

ЯНУШ ЛЕОН
ВИШНЕВСКИЙ

МАРЦЕЛИНКА

В поисках Самого Главного

Сказка для взрослых и детей от автора культового романа о любви «Одиночество в Сети». Взрослые думают, что знают всё на свете. Хотя дети задают столько неожиданных и каверзных вопросов, что растеряется любой взрослый.

Марцелинке повезло, она встретила того, кто с удовольствием ответит на ее бесконечные «почему», проведет экскурсию по Вселенной и расскажет сказку. В этой сказке вопросы мироздания станут простыми и понятными, а огромный космос окажется полон удивительных открытий, и в нем будет совсем не одиноко и не страшно.

МАРЦЕЛИНКА

В поисках Самого Главного

МАРЦЕЛИНКА

В поисках Самого Главного

Я. Л. ВИШНЕВСКИЙ

ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ИМЯ, ФАМИЛИЯ

Моим дочкам — Иоанне и Адрианне.
Простите, что слишком мало
читал вам сказок...

ЯНУШ ЛЕОН
ВИШНЕВСКИЙ

МАРЦЕЛИНКА

В поисках Самого Главного

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2009

УДК 82-93
ББК 84(4Пол)
В55

Janusz L. Wiśniewski
W POSZUKIWANIU NAJWAŻNIEJSZEGO. Bajka troche naukowa
Text © Copyright by Janusz L. Wiśniewski, 2008
Illustrations © Copyright by Wydawnictwo «Nasza Księgarnia», 2008

Перевод *Юрия Чайникова*
Иллюстрации *Matcin Piwowarski*
Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

Вишневский Я. Л.

В55 Марцелинка. В поисках Самого Главного : Сказка. / Пер. с польск. Ю. Чайникова. — СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. — 96 с. : ил.

ISBN 978-5-395-00264-8

Сказка для взрослых и детей от автора культового романа о любви «Одиночество в Сети».

Взрослые думают, что знают всё на свете. Хотя дети задают столько неожиданных и каверзных вопросов, что растеряется любой взрослый.

Марцелинке повезло, она встретила того, кто с удовольствием ответит на ее бесконечные «почему», проведет экскурсию по Вселенной и расскажет сказку.

В этой сказке вопросы мироздания станут простыми и понятными, а огромный космос окажется полон удивительных открытий, и в нем будет совсем не одиноко и не страшно.

УДК 82-93
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-395-00264-8

© Ю. Чайников, перевод, 2008
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2009

ЖИВАЯ ДУША ВО ВСЕЛЕННОЙ

Марцелинка появилась во Вселенной и очень удивилась, когда встретила там Живую Душу. Она была уверена, что здесь никакой души и быть не может, тем более Живой. Когда мама говорит, что где-то «нет ни души», то там и в самом деле никого нет.

Всё это было таинственно
и очень странно.
Планета людей осталась
где-то очень далеко,
и поэтому встреча
с Живой Душой взволновала
Марцелинку до глубины
ее собственной души.

— А-а-а... что ты здесь делаешь? —
спросила она.

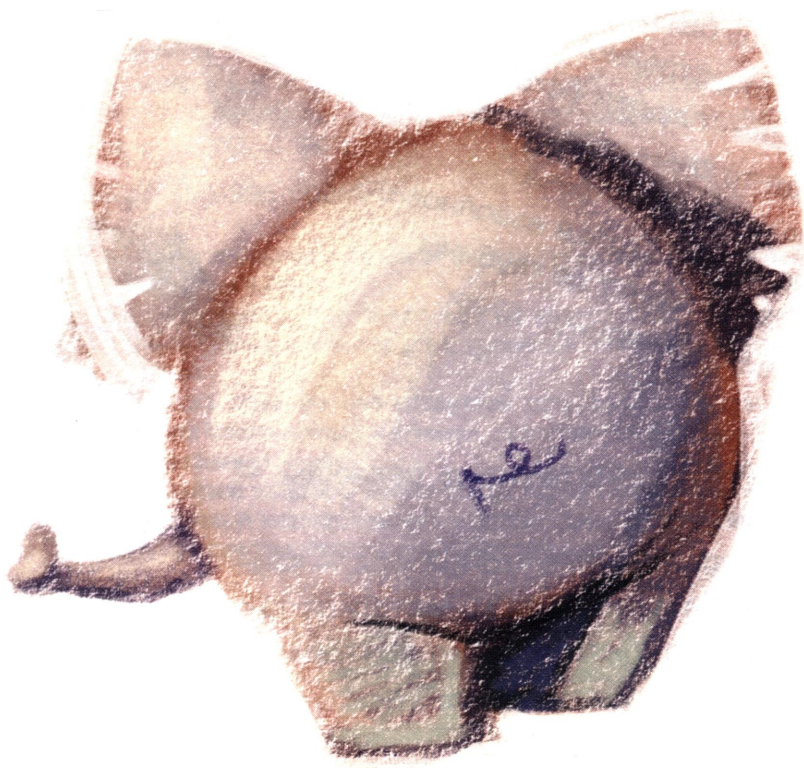
— Расскажи мне что-нибудь, — вме-
сто ответа попросила Живая Душа так,
словно это было самым важным на
свете, — Расскажи что-нибудь.

Эти слова ей показались знакомыми. Вот только где же она их слышала раньше? Тут ей на память пришла одна книжка. Правда, в той книге ничего не говорилось о душе, но там был маленький мальчик и была тайна. Ее мама читала эту книгу много раз. Поэтому Марцелинка точно помнила слова: «Пожалуйста, нарисуй мне барашка...»

— Я не умею красиво рассказывать, — ответила Марцелинка. — И уж точно не сумею нарисовать барашка, — добавила она решительно. — Но если хочешь, я могу нарисовать змею, которая проглотила слона. Хочешь?

— Слона? Нет, слона в животе змеи я не хочу, — ответила Живая Душа. — Не думаю, что слону так уж

хорошо в брюхе у змеи. К тому же я знаю эту историю. Мне всегда было жалко бедного слона. Слоны не любят, когда их глотают удавы. Кроме того, — Живая Душа почесала затылок, — удавы глотают только очень небольших животных. Слона ни один удав никогда бы не проглотил, даже самого маленького слоника. И неужели ты хотела бы, чтобы удав проглотил слоника-малютку, который прижимается к своей мамочке? Ведь нет, правда? К счастью, эта история — сказка. А в сказках всё иначе, чем в настоящей жизни. В сказках змеи большие-пребольшие, а слоны — маленькие-премаленькие. Помимо того, в конце сказки слоны и змеи всегда становятся друзьями.

Живая Душа помолчала немного.

— И это ничего, что ты не умеешь рисовать. Тогда расскажи мне что-нибудь.

— Может, сказку...

Так началось знакомство Марцелинки с Живой Душой.

ЧТО МАРЦЕЛИНКА ЗАХОТЕЛА НАЙТИ ВО ВСЕЛЕННОЙ, И В ЧЕМ ВОЛШЕБСТВО СКОРОСТИ СВЕТА

Марцелинка же хотела знать, кто такая эта Живая Душа, что она вообще делает здесь, во Вселенной, и почему она здесь, а не где-нибудь еще. Кроме того, ей очень хотелось знать, что такое Вселенная. А вот Живая Душа почему-то ничего не пыталась узнать о Марцелинке, потому что, как выяснилось позже, она и так почти всё о ней знала. Хотя, если бы Живая Душа спросила, Марцелинке было бы приятно, потому что всегда приятно, если ты кому-то интересен и можешь рассказать о себе что-нибудь такое, чего никто еще не знает.

— Как вас зовут? — спросила Марцелинка, ведь обращаться к собеседнику по имени — признак вежливости. Собственное имя для многих — самое важное и любимое слово.

— Меня зовут Живая Душа, или Дух, и обращаются ко мне на «ты». Ну а ты — Марцелинка, верно? — улыбнулся собеседник. — И ты пока еще не девочка в полном смысле этого слова, ты только мысль, родившаяся в голове твоей будущей мамы, не так ли?

И прибыла ты во Вселенную!

чтобы найти Самое Главное.

— Ну да... — Марцелинка запнулась. — Ну, в общем, да. Но откуда вы... откуда ты это знаешь? — сильно удивилась и смутилась она. Ей неловко было обращаться к Духу на «ты». У него была длинная седая борода, большая лысина и сморщенное, как печеное яблоко, лицо. Словом, выглядел он как старший брат старшего брата самого старого деда в мире. Вот только глаза, они были точь-в-точь как у нее: огромные, блестящие и круглые от любопытства.

— Откуда я знаю? — задумался Дух, нервно почесывая затылок и еще больше морща покрытый морщинами лоб. — Как тебе объяснить? Когда люди не понимают чего-то, их охватывает беспокойство. Как детей, которые не знают, почему ночью темно, а утром, когда встало солнце, опять светло. Через какое-то время они просто привыкают к этому и перестают размышлять над тем, почему всё именно так. Кое-кто наивно верит,

что существует некий Дух, который гасит солнце вечером и снова зажигает его по утрам. Интересно, а ты знаешь, почему так происходит? — спросил Дух. — Почему не всегда темно или почему солнце светит не все время?

— Пока не знаю, — честно сказала Марцелинка, — но мама когда-нибудь обязательно всё это мне объяснит.

— Да, мамы это знают... И я тоже знаю... А зачем тебе знать, откуда мне всё это известно? — вдруг спросил Дух.

— Потому что я тоже хотела бы это понять, — ответила Марцелинка.

— Хм... понять... — пробормотал Дух с нескрываемым удивлением. — А для чего ты хочешь понимать?

Как раз в это мгновение вдали показалась бирюзово-фиолетовая бабочка, осветившая сиянием своих крыльев крошечную тьму за головой Духа.

— Когда чего-то не понимаешь, на душе становится беспокойно, — громко рассмеялась Марцелинка. — Не сам ли ты только что сказал это?

— Верно, говорил, — кивнул Дух и широко улыбнулся.

— Да и вообще, знать — это хорошо, — добавила Марцелинка. — Я вот думаю, что тебе, Дух, хорошо как раз оттого, что ты всё-всё знаешь.

Дух нервно потер нос. Похоже, он смутился. Марцелинка подумала, что Дух очень уж робкий и не любит, когда речь заходит о нем самом.

— Не преувеличивай, Марцелинка, — возразил Дух, — я знаю совсем не всё.

В
например, не знаю,
что такое
Всё!

и совершенно не знаю,
что такое Самое Главное.

Надеюсь, что
об этом рас-
скажешь мне ты.
Ведь ты и прибыла
сюда, чтобы найти Са-
мое Главное. Но нельзя же
что-то искать, не зная, что оно
из себя представляет, ведь так?

— А вот и нет, очень даже можно! —
решительно возразила Марцелинка. — Можно,

например, прогуливаться по пляжу и, глядя себе под ноги, совсем не знать, что найдешь. Только после прогулки выяснится, что из выбранного на песке Самое Главное, самое важное для тебя. Для мамы Самым Главным может оказаться совсем не то, что для папы или для меня. Мама может найти свою Самую Главную ракушку, папа найдет норку, в которой спрятался огромный Самый Главный краб, а я, допустим, найду Самую Главную кроссовку, которую на берег выбросили морские волны. Так может быть на прогулке в пятницу. А через два дня, на прогулке в воскресенье, всё может оказаться совсем иначе: для папы Самым Главным окажется старая дырявая галоша, для мамы — огромная прозрачная медуза, а для меня — покрытая

водорослями, закупоренная пробкой зеленая бутылка с загадочным посланием на листке бумаги внутри нее. В зеленых бутылках, выброшенных волнами на берег, Самое Главное — листки, на которых написаны ужасно важные послания.

Самое Главное — для всех разное.

Для меня сегодня Самое Главное — это мама, папа, я и ты, Дух. Но, возможно, когда-нибудь потом мама решит, что мне нужен маленький братик, Марцелий, и тогда нас станет пятеро, а не четверо, как сейчас. И для

Марцелия на пляже в пятницу Самым Главным может оказаться воздушный змей, а в воскресенье — Патриция, которая запускает этого змея...

Дух слушал Марцелинку с таким удивлением, что глаза его прямо вылезали из орбит. Пока она говорила, он ущипнул себя несколько раз и затем обрадованно потер руки.

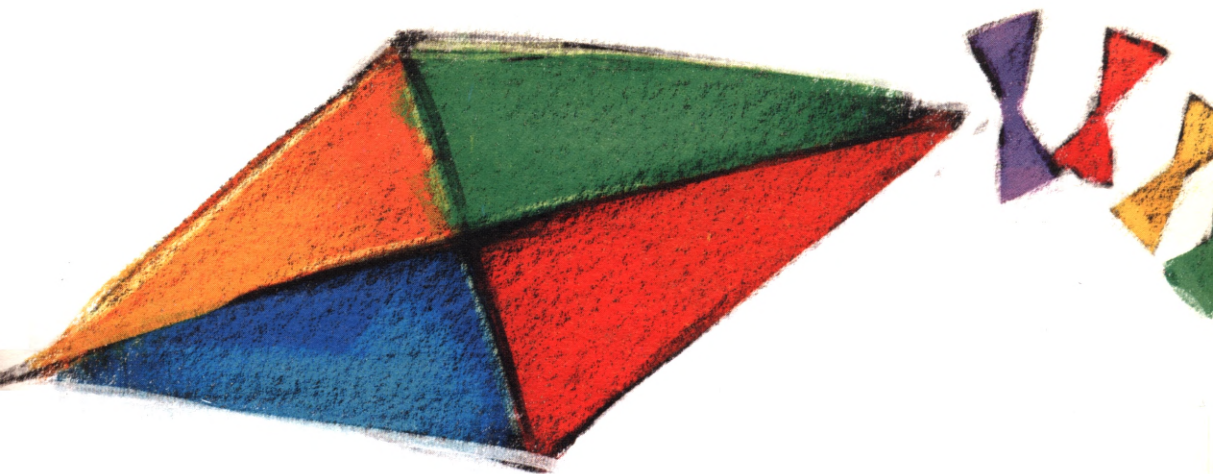
— И вообще, Дух, думаю, нет ничего такого, что для

Всех
Всегда
и Везде

означало бы одно и то же!

И чем больше удивлялся Дух, тем радостнее потирал руки. Дух любил такие вопросы и радовался всё сильнее, что встретился именно с Марцелинкой.

— Существует, — глубоко вздохнул Дух, — существует

Нечто,

что для **Всех**

Всегда

и **Везде** означает в точности одно и то же.

— И что же это такое?! — воскликнула Марцелинка. — Ну говори! Что это такое?!

— Его нельзя взять в руки, как ракушку на пляже, его не увидишь, как воздушного змея. Это можно только измерить, — очень серьезно изрек Дух.

— Ну скажи, что это такое!

— Это свет, а точнее — его скорость, — объявил наконец Дух. — Кто бы, где бы, когда бы ни измерял ее, всегда и везде она останется одной и той же. В этом ее волшебство.

— Что-о?! — разочарованно протянула Марцелинка. — Это же ужасно скучно. Подумаешь, скорость какая-то! Тоже мне волшебство!

— А вот есть! — с энтузиазмом возразил Дух.

— Ладно, не обижайся, пусть будет по-твоему, — согласилась Марцелинка. — Пусть эта скорость всегда, везде и для всех будет одинаковой.

В сущности, Марцелинку меньше всего интересовала скорость света. Ей казалось, что у света вообще нет никакой скорости. То есть она есть, но очень-очень большая.

Если в темноте зажгут фонарик где-то далеко-далеко, то свет увидишь сразу же. Она подумала, что хватит с нее и таких знаний о скорости света, и решила сменить тему разговора.

ОТКУДА ВО ВСЕЛЕННОЙ ВЗЯЛАСЬ БАБОЧКА, И ПОЧЕМУ ЗВЕЗДЫ УМИРАЮТ

— Дух, скажи мне, а откуда взялась эта огромная бабочка за твоей головой? Та, что с левой стороны Вселенной?

— Красивая, правда? Действительно, выглядит как бабочка, но это вовсе не бабочка. Ты заметила, что она совсем не машет крыльями? Только живые бабочки машут крыльями. А то, что ты видишь, это звезда, которая умирает. Очень, очень далеко от нас.

— Звезда?! Умирает?! Далеко?! — Марцелинка по очереди выкрикивала каждое слово. — Что такое «далеко» и что такое «звезда», я знаю, но как понять «звезда умирает»?

— Это тебе наверняка когда-нибудь расскажет твоя мама, — спокойно сказал Дух.

— Но я хочу знать это уже сейчас, Дух. Пожалуйста. Ну пожалуйста... — не сдавалась Марцелинка.

— Дети очень нетерпеливы и любопытны. Пускай они многого не знают, но не стыдятся в этом признаться. Взрослые же думают про себя, что знают всё. Только те из взрослых, которые остались немного детьми, спрашивают, если чего-то не знают, — вслух размышлял Дух. — Ну ладно, так и быть, расскажу тебе о звездах. Хотя это совсем не просто. Пожалуй, я начну

с чего-нибудь совсем маленького и закончу чем-нибудь очень большим.

— А если наоборот — начать с большого и закончить маленьким? Может, тогда будет проще? — теряя терпение, предложила Марцелинка.

Дух покачал головой.

— Ладно, слушай... Ты ведь знаешь, что такое Солнце? — начал свой рассказ Дух. — Более или менее знаешь, верно?

— А сколько по-твоему песчинок на пляже?

— Что ты, Дух?! Этого, наверное, никто не знает! Их слишком много, чтобы можно было сосчитать! — воскликнула Марцелинка и добавила: — Да никто и не стал бы считать.

— Звезд во Вселенной больше, чем всех песчинок на всех пляжах всего мира, Марцелинка! — захохотал Дух. — А Солнце — всего лишь одна из таких песчинок. Впрочем, только с очень большого расстояния его можно спутать с песчинкой. С Земли, например, Солнце выглядит как большой желтый, а когда заходит, то оранжевый или красный, шарик. Еще ближе — хотя лучше держаться от него подальше! — оно представляет из себя огромный шар сильно нагретого газа. Такого горячего, что на земном пляже, удаленном от Солнца на десятки миллионов километров, тебе летом жарко. Внутри Солнца один газ превращается в другой, и при этом превращении выделяется тепло, а его приносят на Землю волны. Они отличаются от морских, но все равно это волны. Я знаю, как это происходит, знаю названия этих газов, знаю, как называются эти загадочные волны, но сейчас у нас речь о другом. Если газ закончится, то получится так, как если бы в печке прогорели все дрова, и звезда погаснет. Все звезды более или менее похожи в этом на Солнце.

— Значит, когда этот газ кончится, Солнце умрет, да? — спросила Марцелинка грустно.

— Именно так. Но ты не горюй. Солнце умрет очень нескоро. Думаю, это будет не раньше, чем через семь миллиардов лет.

— А это много, семь миллиардов? — чуть испуганно спросила Марцелинка.

— Много ли? Как сказать... Это чуть больше половины времени, прошедшего с начала вечности.

ЧТО ОБЩЕГО У ВЕЧНОСТИ И ПЕСЧИНКИ, И ЕСТЬ ЛИ У СОЛНЦА СОСЕДИ

— А когда началась вечность, Дух? — спросила Марцелинка.

Дух замолчал и стал теребить свои седые пряди волос. Лицо его вдруг стало таким серьезным, будто он считает песчинки на пляже и боится сбиться со счета. Марцелинка подумала, что задала, наверное, неуместный, бестактный вопрос. Если Дух будет продолжать так считать до самого начала вечности, то времени пройдет больше, чем половина этой вечности. Она подумала, что половина вечности должна быть очень длинной, а больше половины — это еще длиннее. Да, наверняка это был неуместный вопрос. Она решила, что еще немного подождет, понаблюдает пока за бабочкой, а потом сделает вид, что вечность ее больше не интересует. Но тут Дух внезапно перестал считать песчинки и обеими руками взъерошил свои волосы, как будто только что проснулся.

— Ну и сколько же песчинок ты насчитал, Дух? — спросила Марцелинка. Она принялась осторожно расчесывать пальцами его растрепанные волосы.

— Каких еще песчинок?! — спросил удивленный Дух, не понимая. — И вообще, что ты делаешь с моей головой?

— Песчинок на пляже, вот каких. А вообще-то я хочу сделать тебе приличную прическу. А то ты выглядишь так, как будто только что вылез из пылесоса. И разве тебе не нравится, когда прикасаются к твоей голове? — удивилась Марцелинка. — Мне, например, очень нравится...

Но, видимо, Духу это тоже нравилось, потому что он заурчал от удовольствия, словно кот, которого чешут за ушами.

— Не считал я никакие песчинки. Я, между прочим, размышлял о вечности. Всё думал, есть ли у нее начало и конец.

— Ну и что ты надумал? — спросила Марцелинка, делая пробор на голове Духа.

— А вот что: если бы у нее было начало и конец, то не была бы она вечностью. Ну подумай сама!

— Понятно! Вечность и длится вечно. В противном случае ее назвали бы как-то иначе.

— То есть она никогда не начиналась и, значит, никогда не кончится?

— Конечно так! У вечности нет ни начала, ни конца. Она бесконечна!

— А ты, Марцелинка, знаешь хоть что-нибудь, у чего нет ни начала, ни конца?

— Ну... может... Нет, пожалуй. А ты знаешь?

— Тогда представь себе одну из песчинок с пляжа. Положи эту песчинку на кончик пальца и посмотри на нее через увеличительное стекло. Что ты увидишь?

— Ну, маленький, серо-желтый шарик, — ответила Марцелинка, рассматривая свой палец.

— Скажи, есть ли где-нибудь на поверхности этого шарика начало или конец?

Марцелинка поднесла палец ближе к глазам.

— Действительно нету! У песчинки нет ни начала, ни конца. Неизвестно, где она начинается, а где кончается. Но ведь так у каждого шара. Начало может быть там, где мы захотим! — воскликнула Марцелинка.

— Вот именно, Марцелинка. Что-то может быть очень маленьким и одновременно бесконечным, не иметь ни начала, ни конца. Так и вечность. Так и Земля. На поверхности Земли тоже нет ни начала, ни конца: сколько по ней ни иди, никогда не дойдешь до ее края.

— Интересно! Я никогда не думала об этом!

— А это так. Люди смотрят на мир в трех измерениях, например, у пончика с вареньем есть длина, ширина и высота. Но если взять только поверхность этого пончика — да что там пончика, даже самой маленькой песчинки — и не отрываться от нее, то будет то же самое, что и с большой Землей: по этой поверхности можно двигаться вечно и никогда не достичь конца. Для находящегося на поверхности шара он бесконечен. А ты можешь представить себе что-нибудь не в трех, а в четырех измерениях? — серьезно спросил Дух, снова теребя волосы.

— Нет! — воскликнула Марцелинка. — Пончик толстый, широкий и высокий. Вот и всё. А ты что, хочешь, чтобы он был еще и бесконечный? Тогда все люди всё время ели бы один этот бесконечный пончик и стали бы ужасно толстыми... Ну хорошо, хорошо, — продолжила она. — Мне кажется, я поняла: время — оно такое же бесконечное, как поверхность шара. Без начала и без конца. Пусть будет так. Хотя это очень сложно и трудно понять не только детям. Иначе говоря, что-то может быть ограничено и одновременно бесконечно. Ты ведь это имел в виду?

— Именно это, Марцелинка, — облегченно сказал Дух.

— А почему ты опять теребишь свои волосы? Ты был такой красивый...

— Когда я думаю о чем-то сложном, то должен теребить бороду и волосы. Мне кажется, так ответы на все вопросы приходят быстрее. Хотя это, конечно, чепуха.

— Никакая и не чепуха! Конечно, ты дотрагиваешься только до своих волос, а не до мозга, но все равно

испытываешь приятные ощущения. А может, твой мозг, когда испытывает приятные ощущения, работает быстрее и лучше?

— Ты считаешь, что если ощущать что-то приятное, то и думать становится легче?

— Да, конечно так! — воскликнула Марцелинка. — Если бы моя мама не чувствовала, что хочет, чтобы я была, она никогда бы меня не придумала! Если бы люди не чувствовали холода, они никогда бы не стали

использовать огонь, который может согревать. Если бы они не ощущали бега времени, то никогда бы не придумали колесо, которое помогает им гораздо быстрее перебираться с одного места на другое, если бы... —

Марцелинка внезапно остановилась, как будто вдруг вспомнила что-то очень важное.

— Но разве такое возможно, Дух? Неужели ты не знаешь, что значит чувствовать?!

Дух нервно замотал головой; было похоже, что он не очень хочет отвечать на этот вопрос.

— А ты, Дух, знаешь,
что значит кого-нибудь любить?
Кто-нибудь любит тебя, Дух?
И ты сам любишь ли кого-нибудь?

Дух взглянул на Марцелинку, как на звезду, которую пока не встречал во Вселенной.

— О чем ты, Марцелинка? — вымолвил он наконец. Вид у Духа был такой, словно на него напали разбойники в самом темном закоулке Вселенной.

Марцелинка смутилась. Она решила, что это чересчур личные вопросы и их нельзя задавать тому, с кем ты познакомился совсем недавно. Особенно если твой новый знакомый на тысячу лет старше тебя и в миллион раз умнее. С другой стороны, ей казалось, что, если не задавать вопросов, никогда ничего так и не поймешь. К счастью, Дух вовсе не обиделся на нее. Только почесал себя за ухом и слегка загрустил.

— А почему эта звезда похожа на бабочку? — быстро спросила Марцелинка, не давая Духу времени еще больше впасть в уныние.

— Знаешь что, Марцелинка... Если ты не против, то

**мы отправимся с тобой в путешествие
на поиски Самого Главного.**

Давно я ничего не искал во Вселенной, считал, что всё уже нашел. Но едва я познакомился с тобой, моя уверенность куда-то пропала. Может, нам вместе удастся найти это Самое Главное? — Дух заглянул в глаза Марцелинке и улыбнулся.

Марцелинка подошла к Духу, обняла его и расцеловала в обе щеки.

— Дух, ты лучший из всех Духов, каких я только знаю, — прошептала Марцелинка ему на ухо.

— А сколько же Духов ты знаешь? — удивившись спросил Дух.

— Ну... одного тебя. Но разве один Дух не может быть всеми другими Духами? — хитро спросила Марцелинка.

Духу же порядком надоело философствовать, во всяком случае сегодня. Ему больше не хотелось рассказывать о бесконечности, у которой может оказаться конец, и вечности без начала и конца, заключенной в песчинке. И уж тем более у него не было охоты рассказывать, что Духов может быть много-премного, что у каждого из них имеется имя, хотя в конце концов все они суть единый Дух. Марцелинка в общем-то права: один Дух может одновременно представлять всех Духов.

— Дух, а ты случайно не завидуешь мне? — снова спросила Марцелинка.

Дух как будто не слышал этого вопроса. Он предпочел ответить на вопрос о звезд-бабочке и сказал:

— Бабочка — довольно странная звезда.

В ожидании интересной истории Марцелинка устроилась на плече Духа и уставилась на бабочку.

— По какой-то причине из ее недр начинает выходить газ. Как из шарика, в котором сделали две маленькие дырочки на противоположных сторонах. Через эти две дырочки, как из сопел реактивных двигателей, газ и выходит. Поток этого газа напоминают крылья бабочки. И чем дальше от центра звезды, тем холоднее этот газ, поэтому цвет его меняется. Так же как в газовой конфорке на кухне: один цвет у пламени возле самой горелки и другой — в верхней его части.

— Ну да, конечно другой. И лучше держать руку подальше от пламени!

ЕСТЬ ЛИ МОЛОКО ВО ВСЕЛЕННОЙ, И КАК ДАЛЕКО НАХОДИТСЯ БАБОЧКА

— А эта бабочка далеко от нас?

— А где мы с тобой, Марцелинка?

— Как это — где? Ты что, забыл? Мы во Вселенной!

Дух разразился таким смехом, что сидевшая на его плече Марцелинка стала подскакивать, словно на сиденье автомобиля, едущего по очень плохой дороге.

— Ну да, действительно во Вселенной. Ты абсолютно права. Именно так называется это место, причем пишут это слово с большой буквы. Не знаю почему, может быть, оттого, что Вселенная такая большая, — вымолвил Дух, когда ему наконец-то удалось справиться с приступом смеха.

Марцелинка смутилась:

— Разве я сказала что-то слишком уж глупое, чтобы так смеяться?

— Нет, ничего глупого ты не сказала. Но для того чтобы знать, как далеко от нас бабочка, мы должны понять, где во Вселенной находимся сами. К примеру, на стадионе можно находиться на центральной трибуне, на футбольном поле или на трибуне за воротами. А бабочка в это время может пролетать за противоположными воротами или над серединой поля.

— Ну так где же мы находимся? Надеюсь, где-нибудь на поле.

Дух едва сдержал себя, чтобы снова не прыснуть со смеху.

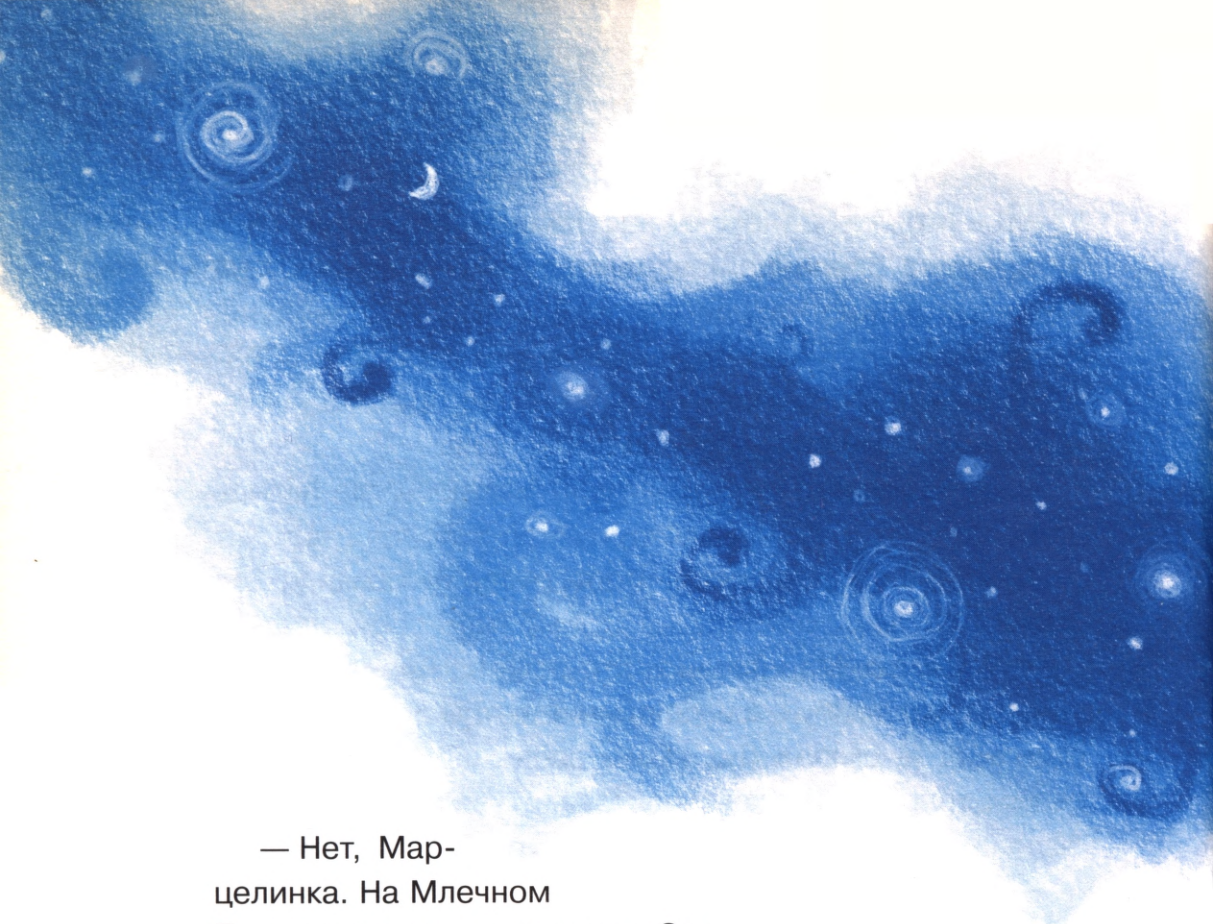
— Я думаю, Марцелинка, что пока во Вселенной еще нет трибун, в игре принимают участие все, — сказал Дух таким серьезным тоном, на какой только был способен.

— А мы?

— Млечном? То есть молочном? Здесь что, дают молоко?

— Мы находимся на Млечном Пути.

— Нет, Марцелинка. На Млечном Пути никакого молока нет. Это только название такое. Люди любят всему давать названия. Дадут чему-либо название, и им начинает казаться, что оно стало более понятным.

Звезд больше, чем песчинок на пляже, но они по Вселенной распределены неравномерно. Звезды любят собираться в группы. Точно так же, как и люди на трибунах стадиона. Если стадион огромный, а на матч пришло мало зрителей, то пришедшие стараются сесть рядом. Одна группка здесь, другая там, где-то еще третья. А трибуны между группками — почти пустые. Это ясно, Марцелинка?

— Как солнце ясно, — ответила без тени сомнения Марцелинка.

— Вот так и со звездами. Если посмотреть на собранные в группу звезды, то они светят очень ярко, потому что их много и они недалеко друг от друга.

Такую группу звезд называют галактикой.
Во Вселенной существуют
миллиарды галактик.

Конечно, не каждой дано такое прекрасное имя, как, например, Андромеда, у некоторых вместо имен лишь номера, вроде NGC-1316 или М-100. Ту галактику, в которой находятся бабочка и наше Солнце, с очень давних времен именуют Млечным Путем, — сказал Дух и затем тихо добавил: — С нынешнего дня это моя любимая галактика...

— А почему? — спросила Марцелинка.

Дух почесал за ухом, склонил голову и ответил:

— Потому что в ней тебя придумала твоя мама.

Марцелинка сразу простила Духу его недавний смех.

— Но почему ее называли Млечный Путь, а молока тут никакого нет? — спросила она.

— Это из-за одной очень старой сказки про одну маму.

— Сказка про маму? Расскажи ее, пожалуйста!

— Сказка такая. Давным-давно на планете Земля, в стране под названием Греция, жила богиня по имени Гера. Богиня, Марцелинка, это тоже Дух, только женщина. И вот, когда она кормила одного из своих детей, молоко брызнуло из ее груди до самого неба, и из капелек этого молока возникли звезды. Вот и всё.

— Очень интересно. Я уверена, что когда появлюсь на свет, то мама расскажет мне сказку полностью. Ты наверняка здорово сократил ее, Дух. Таких коротких сказок не бывает, да и никакой морали из нее не следует. Ну ладно, подожду, когда ее расскажет мне мама. А вот сколько звезд, ну, хотя бы приблизительно, в нашей галактике? — спросила Марцелинка.

— Если приблизительно, то сто миллиардов, — ответил Дух.

— На самом деле?! А ты уверен? Что-то слишком много! Это даже немножко странно. Ведь когда я смотрю вокруг, то совсем не вижу такое множество звезд. Должно быть, все они, бедняжки, уже поумирали, — засмеялась Марцелинка.

— Многие из них умерли, это так. Но постоянно рождаются новые. А не видишь ты многие звезды от того, что они от тебя очень-очень далеко, — объяснил

развеселившийся от Марцелинкиных замечаний Дух. — Да, кстати, ты спрашивала, как далеко находится от нас бабочка. Мы сейчас между Солнцем и ближайшей к Солнцу звездой, она что-то вроде соседки напротив, и зовут ее Альфа Центавра. Только, пожалуйста, Марцелинка, не спрашивай меня, почему ее так зовут. Зовут — и всё тут. Ведь если твоего соседа будут звать Альфред Цент, ты не станешь его спрашивать, почему его так смешно зовут, верно?

— Ну уж нет, я спрошу его об этом. Обязательно спрошу. Можешь быть уверенным в этом, Дух. Но не об этом сейчас речь. А что происходит с этой Альфой Центавра, ты ведь не досказал?

— Ничего такого с ней не происходит. Просто Солнце и Альфа Центавра ближайšie соседи, как будто двери их квартир выходят на одну лестничную площадку.

— Ладно. Понятно. А где в это время скитается наша бабочка?!

— Бабочка вовсе не скитается, она от нас на расстоянии двух тысяч ста лет, — облегченно подвел итог Дух.

— Что это ты говоришь?! Каких еще лет? С каких это пор расстояние измеряется в годах, а не в километрах, метрах и сантиметрах?

— С очень давних пор. И в этом нет ничего странного. Например, твоя мама, когда возвращается из командировки, звонит из машины папе и сообщает ему, что она

И твой папа знает, что мама находится на расстоянии приблизительно шестидесяти километров от дома, потому что твоя мама ездит осторожно, со средней скоростью шестьдесят километров в час. Если по пути не будет ни пробок, ни дорожно-транспортных происшествий, то она появится дома примерно через час. Значит, маму отделяет от дома расстояние в час езды на автомобиле.

— Действительно, Дух, ты прав. Расстояние можно выразить и при помощи времени. За время этого автомобильного часа мой папа успеет привести в порядок постель, которую не застилал вот уже три дня, освободит посудомоечную машину, которая была наполнена грязной посудой еще перед отъездом мамы, и наполнит ее новой порцией посуды, которая набралась за три дня, вынесет три мешка мусора на помойку и откроет настежь окно в комнате, чтобы выветрился табачный запах. Потом он быстро побежит в магазин, потому что, кроме лежалой редиски и горчицы, ничего в холодильнике не осталось. Мама прекрасно знает, зачем нужно звонить папе за час до возвращения.

Дух внимательно слушал Марцелинку. За то недолгое время, как Марцелинка появилась во Вселенной, он улыбался гораздо чаще, чем за целую половину вечности. Ему совсем не хотелось говорить ни о бабочке, которая на самом деле никакая и не бабочка, ни о расстояниях, которые никто не может себе даже представить. Ему хотелось сейчас усесться поудобней где-нибудь в уголке Вселенной, лениво греясь — как у камина — в лучах какой-нибудь звезды, и без конца слушать истории, которые ему рассказывала бы Марцелинка. И особенно — истории о ее будущей жизни с родителями. Маленький мир Марцелинки казался ему гораздо более интересным, чем вся чудовищно огромная Вселенная.

— Почему ты замолчал, Дух? Похоже, ты о чем-то мечтаешь. Хотя прости, я говорю явно что-то не то, —

забеспокоилась Марцелинка. — Дети часто говорят не то, но они никого не хотят обидеть. Просто они пока еще не знают, что можно говорить, а что нет. Я не обидела тебя?

Дух нежно погладил ее по голове и сказал:

— Что ты, Марцелинка, просто я немного задумался.

— Знаю, знаю, я всё видела. И опять ты растрепал свои волосы. Давай я еще раз причешу тебя, а ты все-таки дорасскажешь сказку про бабочку. А то она и вовсе от нас улетит, — сказала Марцелинка, снова приводя в порядок шевелюру Духа. — Подведем итог сериала о бабочке. Бабочка в двух тысячах ста годах от дома, то есть от места, где мы находимся сейчас, а мы находимся на лестничной площадке между двумя звездами-соседями: Солнцем и Альфой Центавра. Другими словами, если бы бабочка позвонила по пути домой — хотя это глупо, потому что у звезд, во-первых, нет мужей, во-вторых, звезды не ездят в командировки, а в-третьих, у них нет мобильных телефонов, но допустим, только допустим — моему папе, а папа жил бы там же, где я сейчас привожу в порядок твои волосы, то мой папа мог бы спокойно целые две тысячи лет — вот счастливчик — не застилать постель, не выносить мусор и курить в комнате. Так?

— Не совсем так, — вымолвил Дух, когда ему наконец-то удалось побороть очередной приступ смеха, — я же говорил тебе, что бабочка от нас на расстоянии не двух тысяч, а двух тысяч ста лет.

— Прости, Дух, но здесь ты ошибся. На вынос мусора папе определенно хватило бы ста лет. Так что как раз именно две тысячи лет он вполне мог бы и не ходить на помойку. А теперь скажи мне вот что. Неужели бабочка летела бы домой из командировки так же медленно, как мама, то есть со скоростью шестьдесят километров в час, хотя и находилась бы от нас на расстоянии двух тысяч ста автомобильных лет?

— Вот здесь собака-то и зарыта, — ответил Дух.

— Собака?! Какая собака?! Она что, тоже умерла?! — испуганно воскликнула Марцелинка.

— Это так говорят, Марцелинка. Никакая собака не умирала, не расстраивайся. У взрослых есть много странных выражений. Мама когда-нибудь расскажет тебе, откуда они взялись и что означают.

— Это хорошо, — обрадовалась Марцелинка, — потому что знаешь, Дух, я не хотела бы, чтобы моя собака когда-нибудь умерла. И моя кошка тоже.

— Оставим кошек и собак и вернемся к бабочке, — сказал Дух. — Эти две тысячи сто лет нужны не бабочке, а свету, который она посылает, чтобы достичь нас. То есть не бабочка, а свет ее цветных крылышек начал путь к нам две тысячи сто лет назад и только сейчас достиг нас. Таким образом, зная скорость света, можно вычислить, как далеко от нас находится бабочка. Это не годы езды на автомобиле, а световые годы. Свет перемещается гораздо быстрее, чем твоя мама на машине. Помимо того, пока свет крыльев бабочки дойдет до нас, сама бабочка окажется от нас еще дальше. Дело в том, что звезды совсем не похожи на лампочки,

подвешенные под потолком в комнате и находящиеся всегда в одном и том же месте. Звезды постоянно отдаляются друг от друга.

— То есть двери квартиры одного соседа, Солнца, и двери квартиры его соседки, Альфы Центавра, отдаляются друг от друга? И коридор между этими дверями постоянно вытягивается?

— Да, Марцелинка. Именно так. Представь себе, что твоя мама решила испечь для тебя и папы вкусные булочки. Она ставит тесто с изюмом в разогретую духовку.

Тесто в духовке поднимается, растёт, булка становится пышной, и расстояние между изюминками увеличивается. Звезды галактики вроде этих удаляющихся друг от друга изюминок в тесте, а тесто — постоянно расширяющаяся Вселенная.

— Ух ты! Отличное средство против плохих соседей. С каждым днем они живут все дальше от тебя... А какой длины коридор между дверями Солнца и Альфы

Центавра? — поинтересовалась Марцелинка. — Всегда стоит знать, далеко ли до ближайшего из соседей.

— Если бы, например, во всем доме выключили свет и Альфа Центавра, выйдя из своей квартиры, зажгла бы свечку, чтобы проверить, не перегорели ли пробки, то свет от этой свечки достиг бы дверей квартиры Солнца через четыре года и три месяца. Это очень немного, если учесть, что свет бабочки с того же самого Млечного Пути добирается до Солнца более двух тысяч лет, так ведь?

— А если представить, что можно проехать по лестничной площадке к соседке за свечкой, долго пришлось бы моей маме ехать на машине до Центавра? — не успокаивалась Марцелинка.

— Если бы она ехала так же осторожно, как и всегда, со скоростью шестьдесят километров в час, то оказалась бы перед дверями Альфы Центавра через семь миллионов девятьсот двадцать тысяч лет.

— Ну и коридорище! О-о-очень длинный! — воскликнула Марцелинка.

— Не совсем так. Это Вселенная такая большая. Если дом большой, то и коридоры в этом доме длинные. Марцелинка подумала, что каждому ребенку пригодился бы Дух, который знает о Вселенной всё. Если чего-то не понимаешь, то, пока его не прочитаешь, можно многое узнать и даже кое-что понять.

ОБ ОСОБЕННОМ НАЧАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ И ЛЕНИВОМ И МЕДЛЕННОМ, СЛОВНО УЛИТКА, СВЕТЕ

Одна мысль не давала Марцелинке покоя.

— Дух, а Дух, вот я сижу на твоём плече, расчесываю твои волосы, и наши глаза смотрят в одном и том же направлении, верно?

— Верно, Марцелинка.

— И значит, бабочка — с левой стороны Вселенной, да?

— Нет, не совсем. Бабочка сейчас действительно находится слева от нас, но вовсе не обязательно в левой

стороне Вселенной. С тем же успехом она может находиться и с правой стороны. Всё зависит от того, где начало Вселенной.

— Если начало в твоей голове, то бабочка слева!

— А кто-то другой, повернувшись лицом к нам, скажет, что бабочка справа. И тоже будет прав!

— Но ведь мы уже выбрали левую сторону, — возразила Марцелинка.

— Это только мы выбрали. Нет такой линии, которая была бы одинаковой для всех.

— А мне нравится наша линия. И какое нам дело до других. Бабочка с левой стороны Вселенной — и всё! — не сдавалась Марцелинка.

— Ой, Марцелинка, люди часто выбирают то, что им нравится. В течение долгого времени они, например, считали, что не только Солнце, но и вся Вселенная вращается вокруг Земли. Земля была для них пупом

Вселенной, — засмеялся Дух. — Бабочка вполне может быть и справа, Марцелинка.

— Нет, она слева!

— Но почему ты так упорно держишься за левую сторону? — не отступал Дух.

— Потому что самые важные мысли возникают в левом полушарии мозга. Я для мамы важна. И значит, я наверняка возникла в левом полушарии ее мозга. Бабочка для меня тоже важна, и потому она наверняка слева от нас, — решительно заявила Марцелинка.

Дух не хотел больше препираться, но все-таки добавил, что

во Вселенной нет ни правой, ни левой стороны, ни середины, ни начала, ни конца или же, как нет

Поэтому каждый из них по-своему прав.

Марцелинка осталась при своем мнении, но раз она оказалась наполовину права, решила не ссориться с Духом и не терять время в спорах. Он был единственным, кого она пока встретила во Вселенной, и ей было

бы очень одиноко, если бы Дух обиделся на нее и исчез за какой-нибудь звездой. И пускай Дух был не слишком разговорчив — хорошо, когда рядом с тобой есть кто-то, с кем можно не только поговорить, но и помолчать. Особенно здесь, во Вселенной, где так пусто, холодно и темно.

Марцелинка задумалась. С тех пор как она познакомилась с Духом, она заметила, что думать — довольно приятное занятие. Она подумала, что вопрос начала — очень запутанный вопрос и что надо будет спросить об этом у Духа, когда он будет повеселее. Марцелинка уже знала — если мама грустила, самым правильным было не мешать и ждать, пока мама сама о ней подумает. А ждать приходилось совсем недолго, потому что мама то и дело возвращалась в мыслях к ней. Просто она

очень хотела, чтобы у нее была Марцелинка. А когда чего-то хочешь больше всего на свете, то думаешь об этом очень-очень часто.

Она возникала в мыслях мамы много-много раз. Только в первый раз она возникла совсем из **Ничего**. И если каждый раз для Марцелинки был как бы началом — потому что каждая мысль в мозгу имеет свое начало, — для ее мамы это вовсе не было началом. Время для мамы было иным, чем для нее. Ведь когда Марцелинка возникла в голове мамы во второй раз, она уже была в маминой памяти. От первого до второго раза прошло какое-то время. А значит, для мамы она существовала уже довольно долго. Только в первый раз и на маминых, и на ее часах — если бы у нее они были — время было бы одинаковое. Потом мамины часы ушли бы вперед, а Марцелинкины остановились — до второго раза.

**Значит, и время
тоже не одинаково для всех.**

В голове папы, например, Марцелинки вообще еще не было. Папа о ней пока что не задумывался. А значит, для папы ее время тоже не существовало. У папы было свое собственное время. Но оно все равно не совпадало с маминым. Может быть, именно поэтому папа всегда и везде опаздывал. Маме всегда хотелось, чтобы папа был сейчас, но папино сейчас отличалось от маминого. Иногда даже часа на три.

Значит, если **МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ МЫСЛЬ,
ТО МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ И ВРЕМЯ.**

Но откуда? Тоже из ничего? А что такое ничего?

— Дух, а Дух, — спросила она тихонько после долгого молчания, — а ничто это тоже что-то?

Дух забубнил что-то непонятное себе под нос, не обращая на нее внимания.

— Ничто это что-то? — повторила она уже громче.

Дух повернул к ней голову и, указывая пальцем в сторону темноты над ними, где совершенно ничего не было видно, сказал:

— Там что-то есть.

Потом ткнул пальцем в сторону желтого пятна на противоположной стороне Вселенной и добавил:

— А вот там ничего нет.

По мнению Марцелинки, всё было совсем наоборот.

— Почему же я этого «чего-то» не вижу, а вижу как раз «ничто»? — спросила она, вперив взгляд в самую середину его бороды.

— Это потому, что свет очень ленивый.

— Это свет-то ленивый?! Да что ты говоришь, Дух! Мама считает, что свет — это самое быстрое, что есть на свете!

Дух снисходительно взглянул на нее и почесал голову.

— То, что ты видишь, было там очень-очень давно. Примерно шестьдесят миллионов лет назад. Тогда еще не было ни твоей мамы, ни твоей бабушки, ни даже бабушки твоей бабушки. И бабушки ее бабушки. Тогда не было вообще никаких бабушек, потому что еще не было людей.

— А почему же я вижу это только сейчас?

— Потому что свет ленивый. Я ведь тебе уже говорил это, так ведь? Он вышел из этого пятна, которое шестьдесят миллионов лет назад было огромной звездой, и только теперь дошел до нас. И хотя он нигде не задерживался отдохнуть, все равно дорога к нам заняла у него шестьдесят миллионов лет, потому что эта звезда была очень-очень далеко от нас.

— Еще дальше, чем Солнце от Земли?

Дух засмеялся:

— Гораздо, гораздо дальше, Марцелинка. Чтобы сравнить эти расстояния, я должен был бы говорить «дальше», «дальше», «дальше» без передышки много лет подряд. И ты долгие годы должна была бы слушать только это единственное слово «дальше». Ведь для того, чтобы пройти от Солнца до Земли, ленивый свет тратит только восемь минут. Вот представь на одной чашке весов самого большого и толстого африканского слона, а на другой — самого маленького и тощего муравья.

— И Солнце окажется маленьким, как муравей, а это желтое пятно было когда-то таким же большим, как слон?

— Даже в сто раз больше этого слона.

— Но ведь это ты выбрал для света именно такую скорость? Почему не бóльшую или не меньшую?

— Уже не помню, это ведь было так давно. Может, десять, а может, и все двадцать миллиардов лет назад. Хотя нет, пожалуй, около тринадцати миллиардов. И я вовсе не уверен, что сам выбрал именно такую скорость.

Ее определила

ОСОБЕННОСТЬ.

Для меня свет такой же медленный, как улитка, ползущая в гору. Но несмотря на это никто не может опередить эту улитку. Что, между прочим, очень хорошо. Потому что если бы эта улитка была хоть чуть-чуть проворнее, то людей вообще не было бы. И ты не смогла бы возникнуть в мыслях твоей мамы. Мне пришлось бы пребывать здесь в полном одиночестве. А я не люблю одиночества. Иногда мне кажется, что Вселенная только для того и существует, чтобы я не остался один. Одиночество — печальная штука. Даже для Духа.

ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОСОБЕННОМ НАЧАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ

— А что это за «Особенность» такая, Дух?

— В Относительности либо **ничего**
еще не определено, либо **ВСЕ** уже установлено.

— А, это так же, как со мной сейчас: меня пока еще нет, и я могу стать и Марцелием, и Марцелиной, но потом буду кем-то одним из них!

Дух улыбнулся и от удовольствия потер руки.

— Примерно так, Марцелинка. Может также и не быть вас обоих. Особенность не принадлежала и не принадлежит Вселенной. Благодаря Особенности Вселенная и возникла. — Дух замолк и внимательно посмотрел на Марцелинку, чтобы удостовериться, что она все еще слушает его. Она слушала. Он несколько раз провел рукой по своей бороде, нервно почесал затылок и продолжил: — В общем, только для этого она и была нужна. После того, что люди называют Большим Взрывом, наша Вселенная стала существовать. С этого момента всё началось. И время тоже. Так думают люди. Ведь им очень трудно представить, будто что-то может не иметь начала.

— Тогда они должны хотя бы раз посмотреть через увеличительное стекло на песчинку, — засмеялась Марцелинка.

— Одним словом, — продолжил Дух, —

А если возможно всё, то среди этих возможностей должна быть и возможность невозможного...

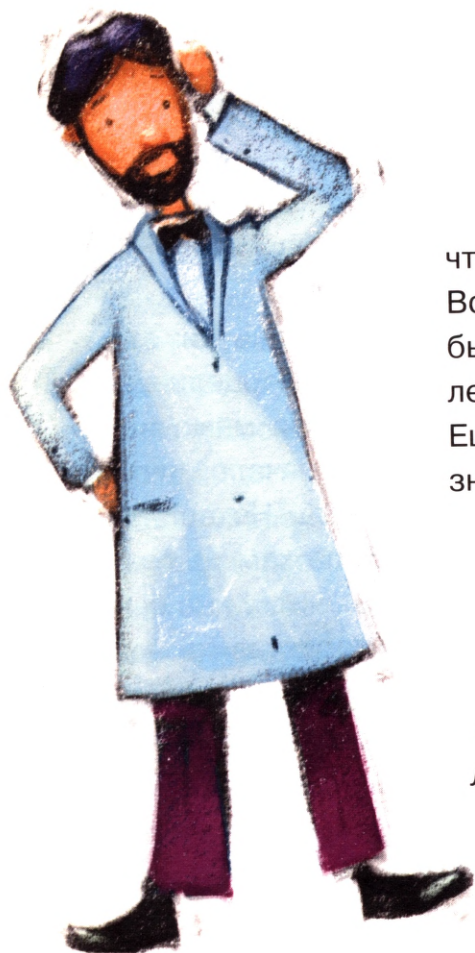
— А теперь не умничай, не увиливай и отвечай: это ты сотворил Вселенную? — прервала Духа Марцелинка.

— Многие люди считают так. Вот и твоя мама наверняка так думает. Им кажется, что без начала ничто не может начаться, а потом существовать. Но если у Вселенной было начало, значит, она была кем-то создана. И наоборот: если была создана, значит, у нее было начало. Взрослые ничего не могут представить без начала. А не зная, что было в начале и до начала, впутывают в это Духа или Духов. А те, кто в Духа не верит, говорят об

«ОСОБЕННОСТИ».

— А кто же из них прав? — поинтересовалась Марцелинка.

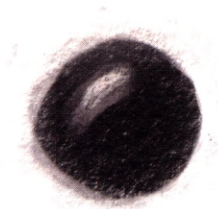
— Кто? — недоумевал Дух, нервно тербя кончик носа. — И те, и другие. Всё могло начаться и без меня.

Те, кто верит в Духа, считают, что именно он призвал к жизни Вселенную. Но это значит, что Дух был еще до возникновения Вселенной, что он всё знал заранее. Еще до возникновения Вселенной знал всю ее теорию.

— А что такое теория? Это что-то очень важное? — спросила Марцелинка.

— Теория? А что такое теория? — Дух замолчал, что-то бормоча себе под нос и беспокойно тряся головой. — Теория — это полное объяснение чего-нибудь.

Например, как работает велосипед или телевизор. Если велосипед вдруг начинает стирать белье, то теория велосипеда оказывается неправильной. То же самое получится, если телевизор вдруг окажется велосипедом. Очень умные люди создали теорию Вселенной и описали в ней, как вела себя Вселенная от возникновения до наших дней.

— А значит, те, которые не верят в Духа, верят в эту теорию, так? Они считают, что, если у них имеется эта теория, не нужен никакой Дух, правильно? — спросила Марцелинка.

— Да! — согласился Дух. — Но, для того чтобы Вселенная и всё, что принадлежит ей, могло действовать в соответствии с этой теорией, ее законы должны были существовать раньше, еще до возникновения Вселенной и вне ее.

— Понятно! Всё понятно! — повторила воодушевленная внезапным открытием Марцелинка. — Тот, кто не верит в Духа, верит в теорию. Но и Дух, и теория должны были существовать до Большого Начала и за пределами Вселенной. Так ведь, Дух?

— Можно сказать, что так... — согласился Дух. — Но все равно остается вопрос начала. Возможно,

начало как «Особенность» существовало и не было. А может,

Ведь как было с тобой, Марцелинка, — в определенный момент твоя мама просто придумала тебя себе, ты, можно сказать, просто взорвалась в ее мыслях еще

до своего существования. И таким способом, кстати, попала в нашу историю.

— И это очень хорошо! — засмеялась Марцелинка, устраиваясь на левом плече Духа. — Сейчас причешу тебя, а то твоя голова снова похожа на стог сена. Но ты продолжай рассказывать.

— А вот для чего Вселенная существует, я и сам не знаю. Если не считать того, что

**без Вселенной
я чувствовал бы себя
совсем ОДИНОКИМ.**

Мне ведь и самому нужен какой-нибудь дедулька супер-Дух, чтобы все это понять. Дедушки обычно всё знают. А если чего-то и не знают, то спрашивают у бабушек.

— А что сказала бы бабушка, если бы дедушка спросил ее, что было бы, если бы скорость света была, допустим, в два раза больше, чем она есть?

— Ой, Марцелинка, какая же ты любопытная! Знаешь, по-моему, об этом до сих пор ни один дедушка не спрашивал ни у одной бабушки! И далеко не каждая бабушка на Земле смогла бы ответить на этот вопрос. Если бы свет был вовсе не в два раза, а только лишь чуточку быстрее, то не было бы ни Солнца, ни Земли, ни Луны, ни звезд. И никаких бабушек тоже. — Тут Дух замолк и, теребя бороду, добавил тихим и грустным голосом: — И тогда бы я не встретил тебя, Марцелинка...

— Дух, а может быть, мы все-таки отправимся в путешествие по Вселенной, чтобы найти Самое Главное?!

Ну пожалуйста! Ты ведь обещал, — попросила Марцелинка.

— Дух всегда держит слово. Завтра, как только встанет Солнце, мы отправимся в путь, — ответил Дух. — А теперь спать. Ты должна отдохнуть. Нам предстоит дальняя дорога, почти до самого конца бесконечности.

МАРЦЕЛИНКА ЗНАКОМИТСЯ С ГОСПОДИНОМ ФОТОНОМ И ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОИСКИ САМОГО ГЛАВНОГО

На следующее утро Марцелинка проснулась задолго перед восходом. В смысле перед восходом Солнца на Земле. Потому что здесь, в коридоре между Солнцем и Альфой Центавра, Солнце совсем не заходило, оно светило постоянно. И хотя отсюда оно выглядело лишь как одна из многих звезд вокруг — конечно, для Марцелинки оно было совсем другим. Солнце было Звездой с большой буквы «З». Ее Звездой. И Звездой мамы и папы. Она помнила, как папа иногда говорил маме: «Ты мое солнышко» — и целовал ее. И мама становилась горячей, как Звезда.

Дух все еще храпел, причем даже громче, чем папа, хотя мама и говорила, что папа храпит громче всех. Но наверняка не во Вселенной.

Дух — и это точно — храпел громче всех. Марцелинка задумалась, не сунуть ли ему палец в рот. Мама делала так, если папа храпел настолько громко, что соседи начинали стучать в стену. Но Альфа Центавра была слишком далеко — почти восемь миллионов лет езды на автомобиле отсюда, так что она, скорее всего, не слышала этого храпа. А даже если и слышала... Что ж, тогда в следующий раз, когда погаснет электричество, она не даст им свечку, только и всего. Так или иначе, Марцелинка ни в коем случае не хотела будить Духа. Водитель перед дорогой должен хорошенько выспаться.

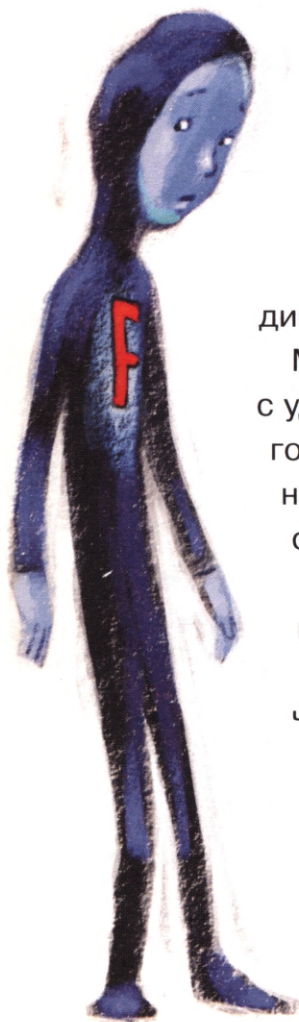
Дух проснулся около полудня, протер глаза, взъерошил, как обычно, себе волосы и ни слова не говоря исчез. Он так спешил, что даже не поздоровался с ней. Через какое-то время, когда Марцелинка начала уже беспокоиться, он вернулся. И не один.

— Познакомься, Марцелинка, это господин Фотон.

Марцелинка взглянула на господина Фотона с удивлением и некоторым недоверием. Этого господина хоть и было видно, но он казался настолько тощим, словно ни разу ничего не съел в своей жизни.

Как будто отгадав ее мысли, Дух добавил заговорщически:

— Господин Фотон такой худой, потому что вообще ничего не весит. Но зато господин Фотон переносит свет с места на место. Никто во Вселенной не движется быстрее господина Фотона.

Марцелинка сразу поняла, в чем дело.

— Значит, вы — свет? — вежливо спросила она.

Господин Фотон зарделся и ответил:

— Получается, что так. Я переносу свет с места на место. Иногда я как волна, а иногда — как маленькая частица, но в любом случае — я быстрее всех во всей Вселенной...

— И Дух вызвал вас как такси, на котором мы отправимся в путь? — прямо спросила Марцелинка.

Дух насупил брови, и по его лицу было видно, что он смущен.

— Я вовсе не нанимал господина Фотона. Просто у господина Фотона выдалось немного свободного времени, и он большой любитель путешествовать. А когда я сказал ему, что мы ищем Самое Главное во Вселенной, он немедленно согласился сопровождать нас. Кому не хочется найти Самое Главное, верно, господин Фотон? — спросил Дух, похлопывая Фотона по плечу.

Господин Фотон сделался фиолетовым и ответил:

— Совершенно верно. Каждый во Вселенной хотел бы найти Самое Главное. Когда Дух сказал мне, что это за путешествие, я сразу решил, что...

— Классно! — захлопала в ладоши Марцелинка, прерывая господина Фотона. — И когда мы отправимся?

Дух что-то зашептал на ухо господину Фотону. А потом повернулся к Марцелинке:

— Господин Фотон одобрил наш маршрут. В смысле мой маршрут. Сначала мы слетаем к Земле, а затем отправимся к центру Млечного Пути.

— Да, сначала обязательно надо слетать к Земле, хоть на минутку! Мама наверняка почувствует, что я рядом! — радостно воскликнула Марцелинка.

Так они и поступили. Фотон и в самом деле оказался исключительно быстрым. Они понеслись через Вселенную со скоростью света и уже через мгновение оказались посреди огромного облака. Марцелинка сидела за Духом на Фотоне так, как мама когда-то сидела за папой на мотоцикле, прижимаясь к нему. Тогда у папы был только мотоцикл, а о машине он лишь мечтал.

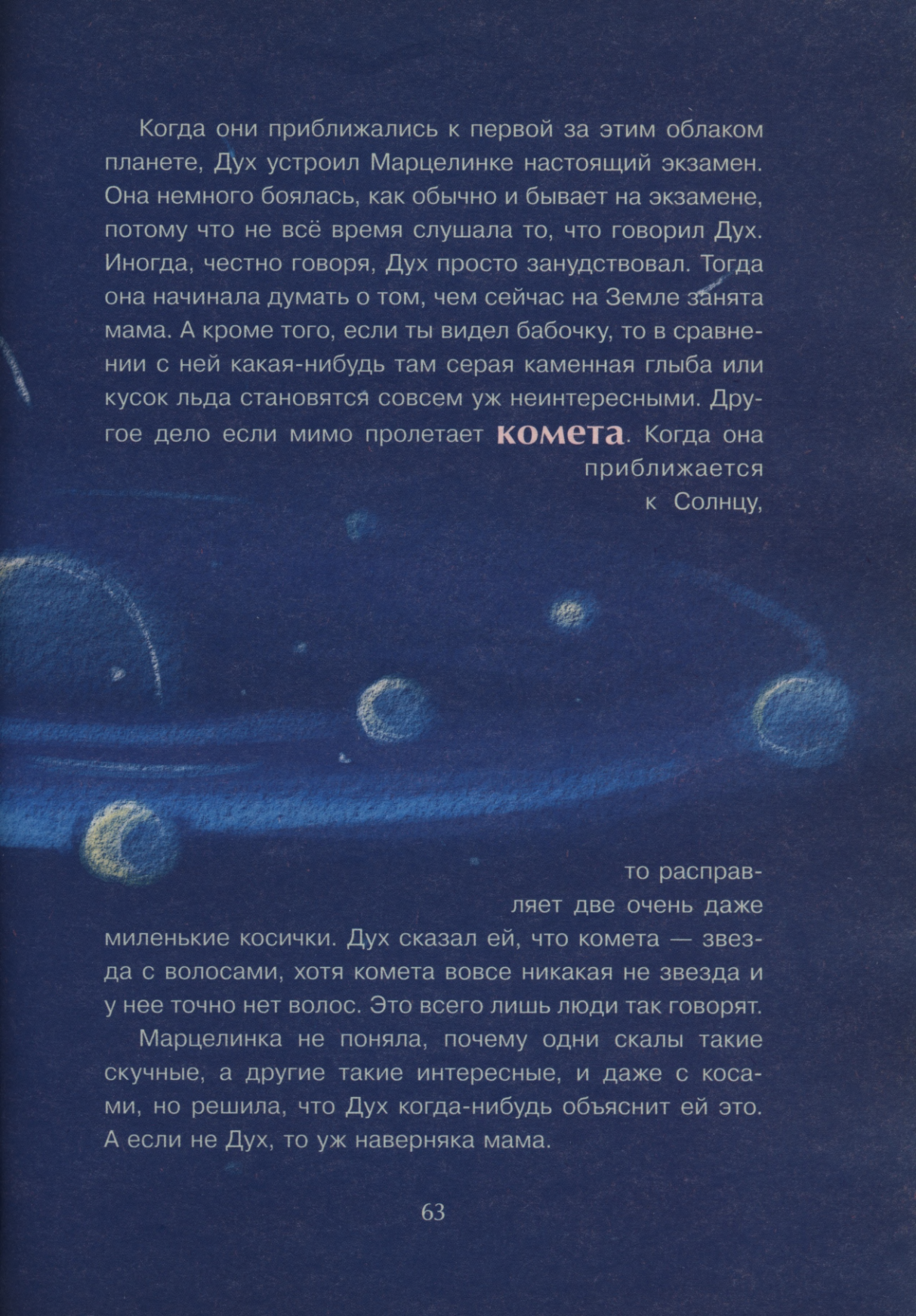
Маме казалось, что его мотоцикл самый быстрый на свете, даже быстрее Фотона. Такого, разумеется, не могло быть, но если ты едешь на мотоцикле, прижавшись к кому-то Самому Главному для тебя, то даже старый мотоцикл покажется быстрее любого господина Фотона. «Когда ты прижимаешься к Самому Главному для тебя на свете человеку, — думала мама, — всё остальное не важно».

Марцелинка изо всех сил высматривала Самое Главное, в то время как Дух то и дело обочивался к ней и объяснял, где они едут и что мелькает вдалеке. Сначала они пробились через огромное облако изо льда и каменных глыб. Некоторые выглядели как настоящие айсберги, другие были величиной с лесной орех. Господин Фотон должен был маневрировать, как слаломист, чтобы не столкнуться с кем-нибудь.

Дух сказал, что «местность», через которую они пролетают, называется облако Орта, и именно здесь — Дух повторил это несколько раз — начинается **Солнечная система**, хотя нигде нет указателя с надписью: «Солнечная система». Пока они так долго-долго летели через это довольно скучное облако, Дух ни на секунду не умолкал. Он подробно объяснял Марцелинке, что такое Солнечная система и как она возникла. Он вел себя как дотошный экскурсовод, который хочет рассказать туристам историю не только самого города, но и каждого уличного фонаря,

и называет по имени всех собак, которые этот фонарь пометили. Для Духа абсолютно всё было важно.

А когда важно всё, то легко можно пропустить Самое Главное. Вот и для ее папы всё было важным, и он тоже мог не заметить Самое Главное. Маме порой становилось грустно, она плакала и говорила папе, что «нет в жизни самого важного», и тогда уже папе делалось грустно, потому что он-то думал, что «самое важное» буквально во всем...

Когда они приближались к первой за этим облаком планете, Дух устроил Марцелинке настоящий экзамен. Она немного боялась, как обычно и бывает на экзамене, потому что не всё время слушала то, что говорил Дух. Иногда, честно говоря, Дух просто занудствовал. Тогда она начинала думать о том, чем сейчас на Земле занята мама. А кроме того, если ты видел бабочку, то в сравнении с ней какая-нибудь там серая каменная глыба или кусок льда становятся совсем уж неинтересными. Другое дело если мимо пролетает **комета**. Когда она приближается к Солнцу,

то расправляет две очень даже миленькие косички. Дух сказал ей, что комета — звезда с волосами, хотя комета вовсе никакая не звезда и у нее точно нет волос. Это всего лишь люди так говорят.

Марцелинка не поняла, почему одни скалы такие скучные, а другие такие интересные, и даже с косами, но решила, что Дух когда-нибудь объяснит ей это. А если не Дух, то уж наверняка мама.

БЫЛ ЛИ ЖАР У ВСЕЛЕННОЙ, ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ ГОСПОДИН ФОТОН, И ПОЧЕМУ ЯБЛОКИ ПАДАЮТ С ДЕРЕВА НА ЗЕМЛЮ

Итак, Дух приступил к экзамену, как только облако Орта осталось позади и господин Фотон мог уже лететь прямо, а не маневрировать, как слаломист на трассе.

— Ну, Марцелинка, так как же возникла Солнечная система? — спросил он.

Марцелинка знала, что первый вопрос будет именно этот. Иногда Дух был таким же предсказуемым, как папа. Он, как правило, задавал маме такие вопросы, ответы на которые уже известны всем.

— Как возникла? Очень просто. Сначала не было ничего, то есть была «Особенность», а потом она непонятно почему вдруг взорвалась. Как бомба. И тогда из нее появились время и энергия. Как из петарды на Новый год, с той только разницей, что это был самый первый Новый год во Вселенной и этот взрыв был очень мощным. Недаром его называют

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ.

Мое появление на свет станет для меня Большим Взрывом. И для мамы, и для папы. Я начну существовать, как и Вселенная. Для каждого рождение, появление на свет — Большой Взрыв. Каждый начинается словно новая Вселенная. И другой такой нет, и больше не будет.

— Ну и что? А что было потом? — допытывался нетерпеливый Дух.

— Потом было жарко, — ответила Марцелинка.

— Это точно, — улыбнулся Дух. — Было очень жарко.

— Вселенная родилась в сильном жару, — продолжила Марцелинка. — Судя по твоим рассказам, жар был опасно большим! Когда мама ставит чайник на плиту,

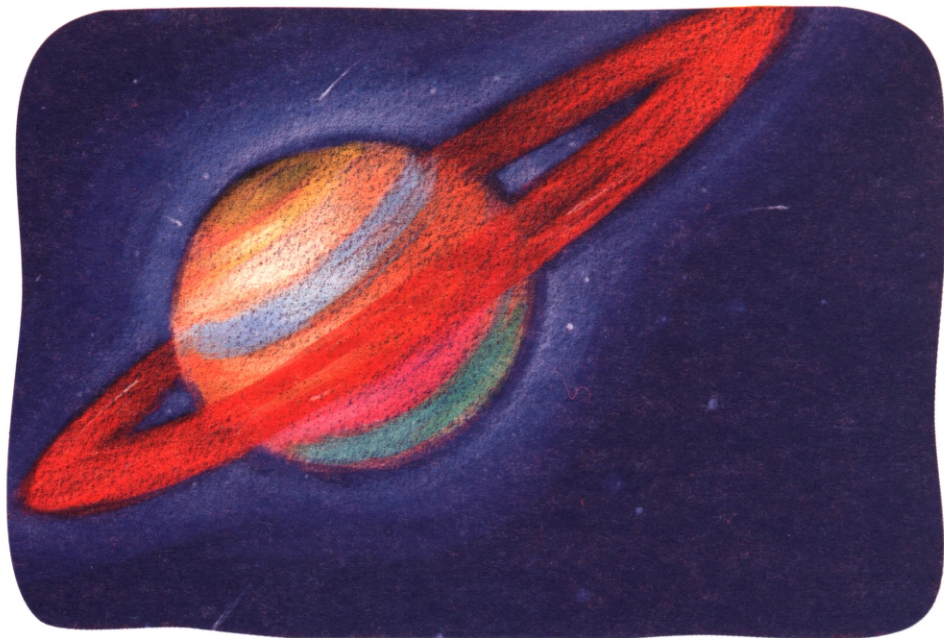
то вода закипает при ста градусах, то есть единица и два нуля. Когда же появилась Вселенная, то ее жар был равен единице с тридцатью двумя нулями.

— Ну и что же было дальше? — спросил Дух строго, как на самом настоящем экзамене.

— Ну а дальше, когда жар у Вселенной спал до единицы с тринадцатью нулями, стало так холодно, что, например, из тощих фотонов, которые всего лишь энергия и не весят ничего, возникли новые частицы, которые оказались потолще и уже кое-что весили. Потому что энергия — ты сам это рассказывал — может преобразоваться, воплотиться в то, что имеет вес, или, как говорят ученые люди, массу. Но преобразовывается энергия как-то так странно, — сказала Марцелинка и тревожно поглядела на Духа.

— Да, — подтвердил Дух. — Господин Фотон с энергией «Е», везущий нас со скоростью света «с», может превратиться в две частицы, которые будут весить «m». Господин Фотон после этого изменения перестанет быть господином Фотоном и не только потолстеет, но и будет по-другому называться. Его будут называть господин Электрон-Позитрон или еще как-нибудь. Все зависит от обстоятельств. Я ведь правильно говорю, господин Фотон? — спросил Дух господина Фотона, похлопывая его по плечу.

— Так точно, в паспорте у меня написано Фотон, а рядом $E = mc^2$.

— Один раз вы одно, господин Фотон, — сказал Дух, — а в другой раз — нечто иное. Когда вы преодолеваете границу, вас трудно узнать. А на границе с этим не шутят. Но что же потом происходило с нашей Вселенной? — спросил Дух у Марцелинки, когда они пролетали мимо огромного, бешено вертящегося шара, окруженного тысячами колец. Кольца эти состояли из бесчисленного множества ледяных глыб. Дух сказал ей, что этот сумасшедший волчок называется Сатурном.

— Из потолстевших частичек возникали еще бóльшие толстяки, жар у Вселенной значительно понизился. Вон сколько всего уже произошло, а ведь Большой Взрыв случился только что, примерно миллионную долю секунды назад. Даже проворный господин Фотон успел пролететь за это время всего метров триста.

То есть практически ничто для господина Фотона. Хотя для моего папы это довольно большое расстояние. Газетный киоск в нашем квартале в трехстах метрах от дома, но мой папа старается поехать туда на машине.

Когда же Вселенная существовала уже примерно минуты три, то температура упала до единицы и каких-то жалких девяти нулей, — продолжала Марцелинка. — Зато потом целых триста восемьдесят тысяч лет не происходило ничего интересного, разве что потом толстые частицы стали соединяться с менее толстыми и образовывать **атомы**, но это случилось, когда Вселенная остыла до тройки с всего-то тремя нулями, то есть до трех тысяч градусов.

— И что же было дальше? — спросил довольный ходом экзамена Дух.

— Ясное дело, эти атомы в течение следующих ста-двухсот миллионов лет образовали во Вселенной облако, это облако сгущалось до тех пор, пока в определенный момент атомы не оказались достаточно

близко друг от друга, чтобы из них появилась звезда. Эта звезда зажглась, словно конфорка газовой плиты. А когда зажглась, то из одних атомов возникли другие. Такое происходит с каждой звездой. Произошло это и с Солнцем. Во время превращения одних атомов в другие выделяется очень много тепла. И Солнце начало светить так сильно, что, например, на Земле летом на пляже очень жарко. А еще звезды становятся очень тяжелыми и начинают притягивать к себе другие облака, поменьше.

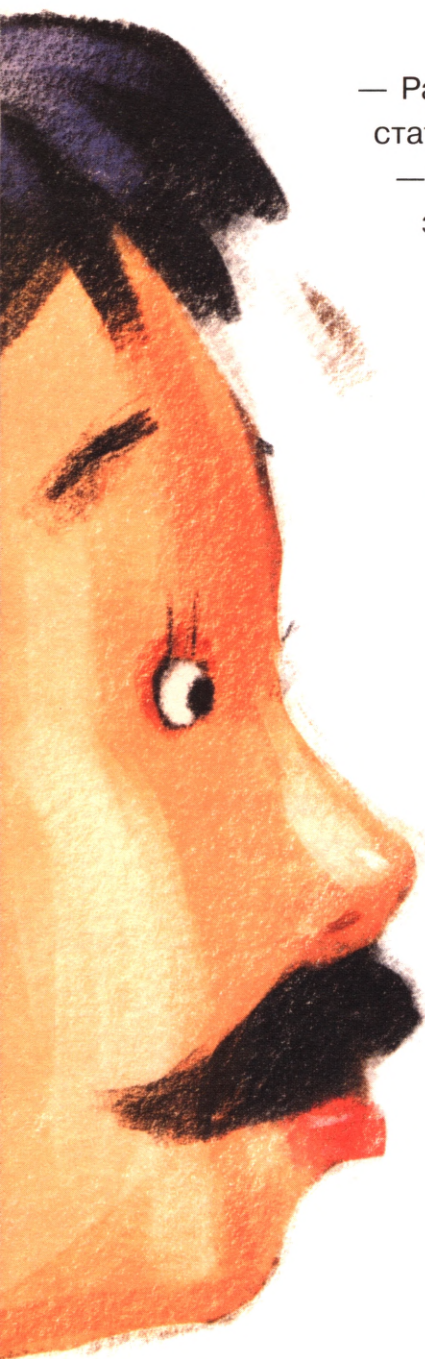
— А почему они притягивают? — продолжал экзамен Дух.

— Потому что они большие и тяжелые. Любые два тела, которые хоть сколько-нибудь весят, притягиваются друг к другу. А поскольку Земля сколько-то весит, яблоко тоже весит, но гораздо меньше, то яблоко, когда созревает, падает с ветки на Землю. Эта таинственная сила, с которой два предмета, которые что-то весят, притягиваются друг к другу, называется

гравитация.

Если бы ее не было, яблоко никогда бы не упало. А еще ты говорил, что до сих пор неизвестно, как возникает эта самая гравитация.

— Это точно, — подтвердил Дух. — Гравитация — чрезвычайно таинственная вещь. Настоящая Тайна с большой буквы «Т». Если кому-нибудь удастся в конце концов разгадать ее, то сразу станет понятно не только то, почему яблоки падают на Землю, но и почему Вселенная именно такая, какая она есть.

— Разве того, что мы знаем, для этого недостаточно? — спросила Марцелинка.

— Увы, этого слишком мало, а люди обязательно хотят понять, почему яблоки падают. Я тоже хотел бы это знать.

— И я, — вмешался господин Фотон, которого никто и не спрашивал.

— Неужели всё надо понимать? Разве нельзя хотя бы во что-нибудь просто верить? — неожиданно решительным голосом заявила Марцелинка. — Ну, есть гравитация — и всё тут.

Дух почесал затылок и стал вдруг каким-то отрешенным.

— Но всё-таки почему она есть? — насупил брови Дух.

— Моя мама не задается вопросом, почему ее так сильно тянет к папе. Она просто чувствует это и вовсе не желает это как-то объяснять. И моя бабушка тоже чувствовала притяжение к дедушке и тоже

не обязана была понимать, почему это так. Чувствовала, и точка.

— Ну хорошо, хорошо, Марцелинка. Оставим это. Гравитация просто существует, и поэтому яблоко обязательно упадет на Землю. Но мне всё-таки хотелось бы знать, почему она существует, — упавшим голосом возразил Дух.

— Ну хорошо, хорошо, Дух, — эхом повторила Марцелинка. — Я знаю, что тебе всё хотелось бы знать. Но мне кажется, ты сам всё это и придумал: и время, и гравитацию, и яблоню, и падающие яблоки, и вкус этих яблок.

— Может быть, — не стал спорить Дух. — Но даже если так, то я уже успел забыть, зачем и для чего. Когда-нибудь люди разрешат и эту тайну, потому что они хотят всё знать. И когда они найдут все ответы на все вопросы, тогда я, может, всё это и вспомню.

Марцелинка улыбнулась и сильнее прижалась к Духу. Господин Фотон всё это время нес их со скоростью света

в направлении Земли. Это было ему, наверное, очень скучно — постоянно двигаться с одной скоростью. Даже если это самая большая из возможных скоростей, всё равно очень скучно. Никого не обгонишь, никто тебя не обгоняет. Скучно, как на пустом шоссе. Если мама едет с папой в машине по пустому шоссе, то моментально засыпает. И тогда папа останавливает машину, достает из багажника одеяло и аккуратно прикрывает маму, чтобы ей не было холодно. Мама делает вид, что ощущает в это время самое большое притяжение к папе. И это не гравитация, потому что такой сильной гравитации не бывает, и маме совсем не хочется доискиваться, откуда возникает такое притяжение. Для нее важно лишь то, что оно существует. И мама прижимается к этому Самому Главному одеялу, открывает глаза, смотрит на папу и хочет, чтобы это шоссе оказалось бесконечным...

МАРЦЕЛИНКА ДОСТИГАЕТ ЗЕМЛИ, ЗНАКОМИТСЯ С КАРЛИКАМИ И ГИГАНТАМИ, А ТАКЖЕ УЗНАЕТ ПРО ТАИНСТВЕННУЮ **ЧЕРНУЮ ДЫРУ**

Пока Марцелинка размышляла о притяжении между ее родителями, господин Фотон уже подлетал к Земле. Самое Главное пока так и не нашлось, но Марцелинка восхищалась всем, что увидела. Сначала голубизной (Дух сказал, что это океаны), потом зеленью (Дух сказал, что это леса и джунгли и что когда-то их было гораздо больше) и наконец — белизной (Дух сказал, что это ледники и что их тоже когда-то было значительно больше). Земля показалась Марцелинке прекрасной. Самой красивой из встреченных планет. Она была несравнимо красивее облака Орта, гораздо красивее, чем маленький Плутон, куда красивее, чем надутый как шар Нептун, или наполненный газом Уран, или громоздкий Юпитер. От Юпитера, самой большой планеты, господин Фотон, чтобы достичь Марса, должен был снова лететь, как слаломист на трассе, между тысячами маленьких скальных обломков, которые Дух назвал планетоидами.

Дух сказал, что в Солнечной системе жизнь есть только на Земле, только Земле привалило такое огромное счастье: она не слишком близко к Солнцу — потому что тогда на ней было бы слишком жарко, не слишком далеко от него — потому что тогда было бы слишком

холодно. До сих пор во всей Вселенной не найдено второй планеты, которая так же удобно расположилась возле своего Солнца и где были бы такие же условия для жизни. Нигде, кроме Земли, не обнаружено живых разноцветных бабочек, растений, рыб, птиц, котов, собак, мишек-коал, обезьянок и людей.

Но не всё, что рассказывал Дух о Земле, было радостным и прекрасным. К сожалению, люди становятся врагами Земли, изо дня в день постепенно уничтожая ее своим мусором и заводами, производящими все новые и новые автомобили.

— Если бы каждый человек мог хоть раз отправиться в путешествие с господином Фотоном и увидеть Землю сверху, то, возвратившись на Землю, он проявил бы заботу о ней и, может быть, никогда бы не купил автомобиль, а ездил только на велосипеде, — с грустью закончил Дух свой рассказ.

Марцелинка изо всех сил старалась разглядеть Землю, а на ней свою маму. Но это, к сожалению, оказалось невозможным. Они находились слишком далеко от Земли, а мама была такой маленькой. Поэтому Марцелинка зажмурилась и еще сильнее стала думать о ней. И о папе. Она ведь сама была еще только мыслью, а потому считала, что ее мысли непременно должны достичь Земли. Ей представилось, что она очень скучает по дому, и очень захотелось как можно скорее вернуться к маме. Тут, рядом с Землей, Марцелинке показалось, что она почти нашла Самое Главное. Но она не была в этом уверена до конца. Она подумала, что если Вселенная такая огромная, то стоит подождать до конца путешествия.

Как раз в это время господин Фотон торжественно объявил, что они покидают Солнечную систему и направляются к центру Млечного Пути.

Вскоре вокруг них замелькали разноцветные необычные звезды. То, что в это время рассказывал Дух, было как леденящий кровь рассказ о карликах и гигантах. И хотя все они были звездами, Дух называл их гигантами и карликами, словно они — герои волшебной сказки.

Сначала появились

ГОЛУБЫЕ ГИГАНТЫ.

Они и в самом деле были

ГИГАНТСКИМИ,

в сто раз больше Солнца и в
пятьсот тысяч раз ярче него.
И на самом деле были

голубые.

— Очень тяжелые звезды, —
сказал Дух. — Они очень быстро
разрушаются под собствен-
ной тяжестью и превращают-
ся в очень-очень-очень-очень
плотный шар, называемый

ЧЕРНАЯ ДЫРА .

Такой плотный, что если бы взя-
ли чайную ложечку этой самой

ЧЕРНОЙ ДЫРЫ, то содержимое этой ложечки весило бы больше, чем семнадцать миллионов слонов. Не семнадцать слонов, а семнадцать миллионов слонов!

Потом пошли

КРАСНЫЕ ГИГАНТЫ.

Такие же как солнце или немного больше. Дух сказал, что Солнце тоже когда-нибудь станет красным гигантом. Когда сгорит первоначальный газ, оно сначала сильно увеличится, а потом быстро уменьшится до

размеров маленького

белого
карлика

и, сделавшись холодным, как кусок льда, улетит куда-то в бездны Вселенной. И не будет больше жарко на пляже у моря, и не будет больше сладких вишен в саду. Но это произойдет, к счастью, только через половину вечности, так что пока беспокоиться нечего.

Иногда на пути попадались маленькие звездочки, которые Дух называл

коричневыми
карликами

Они, видимо, возникли так же, как и Солнце, но с рождения были слишком маленькими, чтобы как следует разгореться. Они горят очень короткое время, подобно маленькому угольку в костре, чтобы очень быстро совсем погаснуть. Их иногда называют осечками или неудавшимися звездами. Марцелинке было очень жаль этих карликов. Никому не нравится ходить в неудачниках, даже звездам.

МАРЦЕЛИНКА УЗНАЕТ, ЧТО ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ МОЖЕТ ЗАМЕДЛЯТЬСЯ, И НАЧИНАЕТ БОЯТЬСЯ **ЧЕРНОЙ ДЫРЫ**

Вскоре, после того как они пронеслись мимо очень
большого

ГОЛУБОГО ГИГАНТА,

господин Фотон почему-то забеспокоился. Дух это тоже заметил, наклонился к господину Фотону, и они стали о чем-то шептаться. Должно быть, о чем-то важном.

— Марцелинка, — сказал минуту спустя Дух, — мы приближаемся к самому центру Млечного Пути и проделали путь в двадцать восемь тысяч световых лет. Очень длинная дорога. Если бы мы летели на реактивном самолете, на котором твои мама с папой летают в отпуск, то должны были бы просидеть в его салоне тридцать миллиардов лет.

— Как же хорошо в таком случае, что мы летим на господине Фотоне, самом быстром на свете! — обрадовалась Марцелинка, но тут же задумалась. — Но почему такая большая разница в продолжительности наших путешествий? — спросила она у Духа.

Дух объяснил, что время идет тем медленнее, чем быстрее перемещаются в пространстве часы, которые его измеряют. Наручные часы пилотов реактивных

самолетов, даже если это самые дорогие часы самых престижных фирм, всегда отстают. В реактивном самолете время идет медленнее, чем, например, в поезде, а стрелки часов путешествующих со скоростью света на господине Фотоне ну вообще не движутся. Поэтому после каждого полета на реактивном самолете человек оказывается немного моложе тех, кто оставался на Земле.

— Как это моложе? — не могла взять в толк Марцелинка.

— Если бы, например, у тебя был брат-близнец Марцелий и ты села бы в реактивный самолет, а брат остался на Земле, то после приземления ты стала бы на несколько секунд моложе Марцелия.

— Э-э, по-моему, это какой-то фокус, — удивлялась Марцелинка.

— Можно и так сказать. У него даже есть специальное название — парадокс близнецов. Время замедляется, когда мы движемся. Если же мы движемся очень быстро, то время замедляется очень сильно. Короче говоря, чем быстрее мы движемся, тем медленнее стареем, — с улыбкой закончил Дух.

— Теперь я понимаю, почему люди бегают в тренировочных костюмах и кроссовках по улицам и паркам. — Марцелинка была уверена, что большинство из них понятия не имели, что, бегая, слегка замедляют ход своих часов.

Господин Фотон между тем продолжал свой стремительный полет.

— Марцелинка! — голос Духа стал тревожным. — Смотри, мы приближаемся к самому центру Млечного Пути. Здесь находится **ЧЕРНАЯ ДЫРА**.

Марцелинка тотчас же поняла, что начинается что-то важное, а может быть, даже опасное. Господин Фотон тоже как-то странно засверкал пульсирующим разноцветным светом. Он явно нервничал.

— Черная дыра — звучит очень зловеще. Но ведь мы можем ее не бояться? — неуверенно спросила Марцелинка.

ЧЕРНАЯ ДЫРА

— Что ж, придется рассказать о ней поподробней, — решил Дух. —
была когда-то обычной звездой, но потом, после смерти, съежилась в очень маленький шарик,

значительно меньший, чем самый маленький из карликов. При этом шарик стал таким плотным, что его сила притяжения — та самая загадочная гравитация — возросла настолько, что

и оно
пропадает
в нем, как в на-
стоящей дыре, и никогда
уже оттуда не возвращается во
Вселенную. Во всяком случае в нашу.

буквально всё, что появляется поблизости, он притягивает к себе,

— И ты так спокойно говоришь об этом? — воскликнула Марцелинка, потому что начала на самом деле бояться. Она ни за что на свете не хотела бы исчезнуть навсегда в какой-то там дыре.

— Марцелинка, у тебя нет никаких оснований бояться, — попытался успокоить ее Дух. — Мы с господином Фотоном решили, что не станем приближаться к этому чудовищу, которое поглотило уже много миллионов солнц. Мы уже свернули с Млечного Пути и направляемся к соседней галактике.

Марцелинка забеспокоилась, но по иному поводу: а может, Самое Главное неосмотрительно угодило в какую-нибудь из проголодавшихся

ЧЕРНЫХ ДЫР,

и она больше никогда не сможет найти его?!

МАРЦЕЛИНКА ДОБИРАЕТСЯ ДО КРАЯ ВСЕЛЕННОЙ, НО НЕ НАХОДИТ ТАМ НИ КОНЦА, НИ КРАЯ

— Сейчас мы находимся в туманности Андромеды, соседней с нами галактике, — сказал Дух, когда они удалились на почтительное расстояние от

ЧЕРНОЙ ДЫРЫ.

Господин Фотон с гордостью добавил:

— И к тому же мы в двух с половиной миллионах световых лет от Земли!

Но Марцелинка уже перестала обращать внимание на эти огромные числа. Всё было во Вселенной таким огромным, что никакое количество нулей после единицы, двойки или даже девятки уже не производило на нее впечатления. Если что-то очень большое, то и числа, которые описывают это, тоже должны быть очень большими. Сейчас они подлетят к очередной галактике, и господин Фотон снова назовет какое-нибудь невообразимое количество световых лет. Когда что-то становится чересчур большим или слишком маленьким, то мы попросту перестаём его себе представлять.

Как будто отгадывая ее мысли, Дух повернулся к Марцелинке и прошептал:

— Господин Фотон любит, когда его хвалят. Давай похвалим его. Но только хором. Ты и я?

Марцелинка радостно рассмеялась и подмигнула Духу:

— Конечно похвалим, и конечно — хором.

Она дала знак Духу, и они одновременно крикнули одно и то же:

— Господин Фотон, вы быстрее всех на свете! Большое вам спасибо! Вы лучше всех!

Господин Фотон сначала засветился красным, потом желтым и наконец голубоватым светом. Было заметно — комплимент пришелся ему по душе. А Дух продолжал говорить о галактиках. Оказалось, что у господина Фотона действительно имеются очень серьезные основания для гордости.

Млечный Путь имеет в диаметре всего каких-то жалких сто тысяч световых лет, а господин Фотон ради Марцелинки преодолел расстояние в два с половиной миллиона световых лет! Это вам не шутка!

Марцелинке вдруг захотелось похлопать господина Фотона по плечу. Ей показалось, что господин Фотон точно такой же, как ее папа. Папе ведь тоже нравится, когда его хвалят и дружески похлопывают по плечу. Даже за то, что он вовремя пришел с работы домой, или за то, что у него самая чистая во дворе машина. Ему тогда кажется, что для мамы он Самый Главный. И мама об этом прекрасно знает. Она узнала это от своей бабушки. А бабушка — от своей бабушки. Прадедов, дедов и пап надо хвалить. И тогда они будут словно господин Фотон светиться всеми цветами радуги, сиять от счастья и думать, что они на самом деле лучше всех.

Тем временем они пролетали мимо очередных галактик. Как же много их было! Оставшийся вдали Млечный Путь казался крохотной тропкой в огромном лесу. Марцелинка сказала об этом Духу. Он ничуть не удивился. Удивлялся Дух только тогда, когда она рассказывала ему о папе и маме.

— Если представить Вселенную в виде футбольного поля, то Млечный Путь покажется нам даже не мячом, а горошинкой, — сказал он.

Господин Фотон как всегда прислушивался к их разговору. И вот он сказал важным голосом, что они находятся в тринадцати с половиной миллиардах световых

лет от Земли. Марцелинка не увидела в этом ничего особенного. Если Андромеду от Земли отделяет два с половиной миллиона световых лет, то галактика, через которую они пролетают сейчас, в шесть тысяч раз дальше. Но что такое в шесть тысяч раз дальше для Вселенной? Суший пустяк.

— А что в этом особенного? — с недоумением спросила Марцелинка.

Но оказалось, что Дух был другого мнения.

— Это очень особенное расстояние, — ответил Дух. — На Земле люди смотрят на Вселенную через разные оптические приспособления. Когда-то — через подзорные трубы, а теперь — через огромные телескопы. Самые большие из самых больших телескопов позволяют человеческому взору добраться только до того места во Вселенной, где мы сейчас находимся. Дальше пока не получается. Для людей, условно говоря, именно здесь конец Вселенной. Тринадцать с половиной миллиардов световых лет от Земли. Здесь также кончается вторая половина вечности, о которой ты недавно так беспокоилась. И вот ты сама видишь, что никакого конца у Вселенной нет. Нет здесь ни стены, ни берега, ни ворот, за нею открывается другая Вселенная.

Тут Дух легонько ущипнул Марцелинку.

— Да ты слушаешь меня или нет? Ты где? Такое впечатление, то ты не здесь, а на Земле, — беспокоился Дух.

Затем он наклонился к уху господина Фотона и сказал:

— Возвращаемся, господин Фотон!

— Слушаюсь, шеф! Будет сделано, — отрапортовал тот и свернул сразу за следующей галактикой.

МАРЦЕЛИНКА ОТКРЫВАЕТ ВЕЛИКУЮ ТАЙНУ САМОГО ГЛАВНОГО

Марцелинка внимательно осмотрелась. Так вот он, конец маминой и папиной Вселенной. Хотя, если присмотреться, никакого конца не видно. Марцелинка решительно не знала, печалиться или радоваться этому обстоятельству. Неужели это — всё?! И ради этого они миновали все эти невообразимые триллионы биллионов звезд, раскаленные до невообразимых биллионов градусов, только ради этого они убегали от прожорливых

ЧЕРНЫХ ДЫР,

которые проглатывают не только маленьких незаметных

белых

и **коричневых**

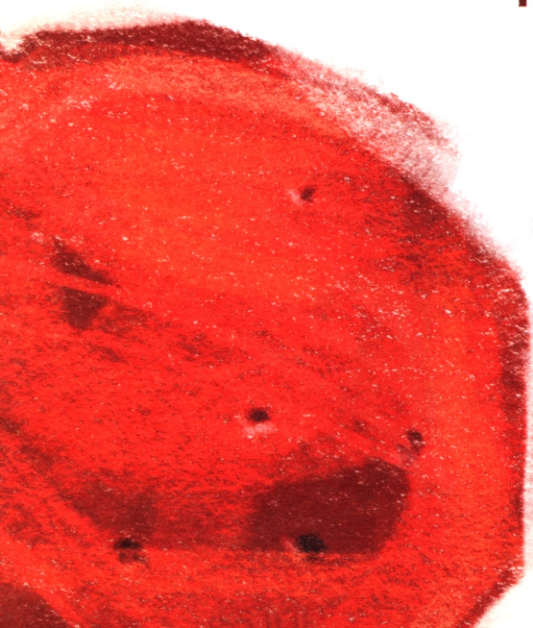
карликов,

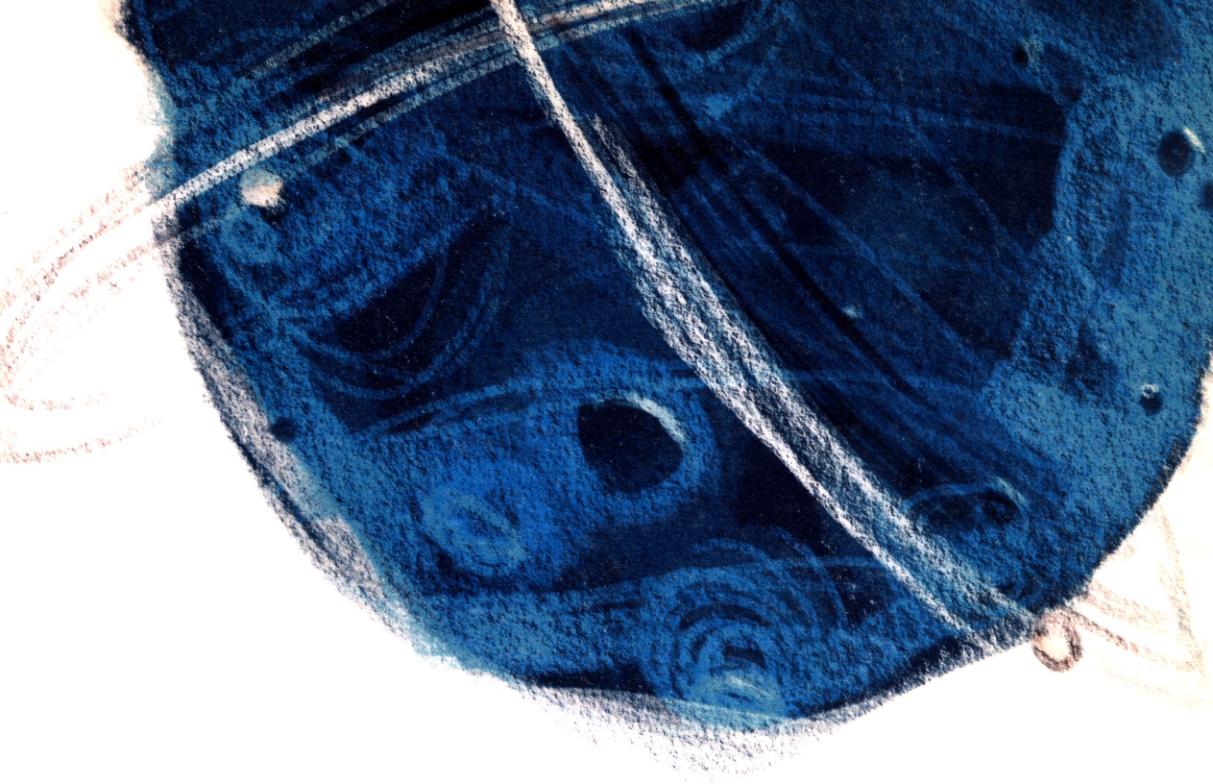
но и огромных

ГОЛУБЫХ

и **КРАСНЫХ**

ГИГАНТОВ

и всё-всё, что хоть что-то весит и попадает в когти их гравитации?! Так, значит, ради этого господин Фотон, которого она успела полюбить, доставил ее сюда, ловко маневрируя, будто слаломист, между миллиардом камней, льдин и прочего космически скучного мусора? Довольно бессмысленно. А может быть, все-таки был определенный смысл? Может быть, не только каждая звезда, комета, планета, планетоид, но и любой космический хлам существует во имя какой-то цели?!

Грустнее всего было от того, что всё друг от друга отдаляется, как Альфа Центавра от Солнца, и что всё когда-нибудь должно умереть или исчезнуть. Звезды слишком далеки друг от друга, чтобы могли хотя бы посплетничать о косах пролетающих мимо комет. Самое большее, что они могут себе позволить, так это перемигиваться, но все равно, пока подмигивание одной

звезды долетит до другой, то той, которая мигнула, уже вполне возможно давным-давно нет, потому что она за это время уже успела сжечь свой газ и умереть.

И что с того, что звезды такие горячие, если существует только одна-единственная Земля, для которой температура звезды по имени Солнце имеет значение и на которой дети играют в тепле этой звезды на пляже. И это только потому, что Земля так ловко устроилась в своей Солнечной системе. Впрочем, если звезд больше, чем песчинок на всех вместе взятых пляжах, то, возможно, существует много таких Земель, только никто о них не знает? Ну, а в качестве утешения Дух рассказал ей об ужасно сложных вычислениях чрезвычайно умного профессора по фамилии Дрейк. Из них следует, что Земля с ее пляжами может существовать во Вселенной очень-очень долго.

Марцелинку порядком утомили рассказы о том, что чего-то «очень много», что-то «очень далеко» и оно «очень горячее». Все эти «очень» постепенно начинали очень мало значить для нее.

Всё во Вселенной было, возможно, и очень важным, но ничто не показалось Марцелинке Самым Главным. Галактики, звезды, кометы, планеты и космический мусор существовали, ничего не зная друг о друге. Самое большее, что они испытывали, так это легкую гравитацию, которая и удерживала их на безопасном расстоянии друг от друга. Каждая звезда, всякий комок космического мусора жили своей собственной жизнью, и, быть может, даже самому маленькому зазнавшемуся серому камню в облаке Орта казалось, что он — целая Вселенная. Только

ЧЕРНЫМ ДЫРАМ

ничего не казалось. Они были уверены, что они-то и есть Вселенная, и вели себя соответственно. Дух сказал, что отчасти они правы. Если бы мы угодили в **ЧЕРНУЮ ДЫРУ**, то через туннель — вроде того, какой делают дождевые черви под землей, — вполне возможно, попали бы в другую Вселенную, где совершенно другое время.

— Вселенные тогда отличаются друг от друга, когда отличаются их часы, — сказал Дух, — то есть когда они начались в разное время, то есть когда у каждой из них был свой собственный

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ.

«Получается, что по этому туннелю, — рассуждала Марцелинка, — я могу вернуться назад, в прошлое, и познакомиться там со своей прапрапрапрабабушкой или переместиться в будущее и обнять свою прапрапраправнучку, о которой не имеют ни малейшего представления ни моя мама, ни мой папа, ни я сама, потому что и я пока только будущее. Так считает Дух, и я не только ему верю, но и чувствую это».

А пока Дух говорил и говорил о том, что «может быть так», «а может быть этак», Марцелинка вдруг поняла, что Самое Главное — это когда нет никакого «может быть», нет никаких двух разных Вселенных, или пусть даже они есть, но в какой-то момент их охватывает желание соединиться друг с другом и стать единым целым. А уж когда они соединятся, то возникнет новая Вселенная:

Вселенная-младенец. И совсем не обязательно отправляться на конец Вселенной, чтобы узнать — Самое Главное находится совсем рядом.

— Дух, а Дух, давай побыстрее отправимся на Землю. Я хочу к маме и папе, — прошептала Марцелинка на ухо Духу, крепко держа его за руку...

СОДЕРЖАНИЕ

1. Живая Душа во Вселенной	5
2. Что Марцелинка захотела найти во Вселенной, и в чем волшебство скорости света	8
3. Откуда во Вселенной взялась бабочка, и почему звезды умирают	18
4. Что общего у вечности и песчинки, и есть ли у Солнца соседи	22
5. Есть ли молоко во Вселенной, и как далеко находится бабочка	30
6. Об особенном начале Вселенной и ленивом и мед- ленном, словно улитка, свете	42
7. Об исключительно особенном начале Вселенной ...	50
8. Марцелинка знакомится с господином Фотоном и отправляется на поиски Самого Главного	57
9. Был ли жар у Вселенной, при чем здесь господин Фотон, и почему яблоки падают с дерева на Землю	64
10. Марцелинка достигает Земли, знакомится с карли- ками и гигантами, а также узнает про таинственную черную дыру	73
11. Марцелинка узнает, что течение времени может замедляться, и начинает бояться черной дыры	79
12. Марцелинка добирается до края Вселенной, но не находит там ни конца, ни края	85
13. Марцелинка открывает Великую Тайну Самого Главного	90

*Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста*

Януш Леон Вишневский

**МАРЦЕЛИНКА.
В ПОИСКАХ САМОГО ГЛАВНОГО**

Ответственный редактор *Евгения Тихонова*

Редактор *Потап Медведев*

Художественный редактор *Владимир Ноздрин*

Технический редактор *Елена Антонова*

Корректор *Ольга Смирнова*

Верстка *Елены Антоновой*

Директор издательства *Максим Крютченко*

Подписано в печать 20.03.2009. Формат издания 70×100 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура «PragmaticaC». Усл. печ. л. 7,74.

Тираж 24 500 экз. Изд. № 264. Заказ № 14807.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.006894.07.08 от 04.07.2008

Издательский Дом «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

skan Larisa_F

